

www.dontsova.ru ● ● ●

Дарья Донцова

Замок храпящей красавицы

НОВАЯ
книга!

В мире преступных страстей
Виола Тараканова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей

Дарья Донцова

Замок храпящей красавицы

«ЭКСМО»

2011

Донцова Д. А.

Замок храпящей красавицы / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2011 — (Виола Тараканова. В мире преступных страстей)

Таких заказов я, писательница Арина Виолова, в миру Виола Тараканова, еще не получала! Конечно, пьеса для спектакля в домашнем театре олигарха Верещагина получилась бредовой – Колобок, Карлсон и Пятачок в одном флаконе! – но пухлый конвертик компенсировал мои страдания с лихвой. Не поскупился олигарх ради младшей дочки Риши, мечтающей стать актрисой. Но не успела девушка блеснуть в роли Бабы-яги, причем вегетарианки, как... была найдена мертвой в своей комнате! Верещагин приказал никого не выпускать из дома, и я взяла расследование в свои руки – ну а кто еще сможет вычислить убийцу до утра? Только сначала надо разведать, какие такие секреты связывают Верещагиных и сыгравших в безумном спектакле звезд разного калибра. И конечно, понять, что за привидение в розовом платье появилось в особняке накануне преступления!

© Донцова Д. А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дарья Донцова

Замок храпящей красавицы

Глава 1

Умная женщина никогда не повторит глупости, которые совершали ее подруги. Умная женщина всегда придумает собственные.

– Вилка, почему ты молчишь? – спросил слащавый тенор.

Я попыталась выкинуть из головы кучу ненужных мыслей, основной из которых была: «Ну зачем я согласилась принять участие в этой идиотской затее», и как можно приветливее ответила:

– Думаю!

– Ох, прости, дуся, – сказал Борис и улыбнулся, – а над чем?

– Может ли медведь иметь зеленый окрас, – вздохнула я. – До сих пор я считала, что они бурые, черные, ну еще встречаются панды.

– На севере водятся белые мишки, – возразил собеседник.

Я не стала спорить.

– Верно, но медведь, у которого шерсть смахивает на сочный газон, – нонсенс.

– Это же сказка, – уверенно заявил мой оппонент, – выдуманная реальность. Ты, как писатель, должна понимать: мир фантазии существенно отличается от того, что у нас за окном. И учти, человек обычно готов принимать условия игры, понимает, что у нас театр, поэтому зеленый косолапый вполне уместен.

Я хотела сказать, что выражение «выдуманная реальность» звучит странно. Либо это реальность, либо выдуманные обстоятельства, но промолчала.

– Боря, – закричали из коридора. – Приехал Муркин!

– О боги! – подпрыгнул Борис. – Вилочка, извини, Петр Аркадьевич капризен, как баба, пардон, дама. Если я не встречу его у порога на коленях и биясь лбом о шикарный паркет Филиппа Леонидовича, звезда вполне может надуть губу и устроить скандал. Ты же не рассердишься, если...

– Ступай, облизывай его, – усмехнулась я, – но не перестарайся, иначе на Марфу сил не останется.

Борис заморгал слишком черными и, похоже, накрашенными ресницами.

– Заинька, Марфа пушистая кошечка, ее мелкие придирки просто ерунда по сравнению с тем, что может отчебучить Петруша.

– Сколько раз говорила, – зачастил въедливый дискант, – не надену белое платье. Оно меня полнит! Кто решил нарядить фею в плащ с черепом, а? Я что, вампир? Дракула? Гамлет? Джек Потрошитель? Нет! Я добрая волшебница! У меня мигрень начинается! Не смогу отработать спектакль!

– О боги! – закатил глаза Борис. – Добро пожаловать в райские кущи! Марфа сегодня встала не с той ноги. Ну, пожалуйста, давайте не все сразу закатывать истерику! Что за горе быть главным режиссером! Да, костюмы мы получили только сейчас, незадолго до премьеры. И что? Надели и работаем!

Борис икнул, я ощутила запах алкоголя.

– Фея не может носить балахон с вышитыми костями! – закричал другой голос. – Муркин не выходит из машины.

Мой собеседник встряхнулся, как мокрая собака, и подпрыгивающей, неуверенной походкой поспешил на зов. Я осталась рассматривать шкуру со здоровенной головой и когти-

стыми лапами. Все бы ничего, костюм медведя сделан на совесть, морда любимого персонажа русских народных сказок выглядит вполне натурально: зубы, глаза, нос, уши, все как настоящее, одна беда, шерсть у мишеньки изумрудно-зеленая.

Я отошла в сторону и села на диван, непрактично обитый розовой замшей. Я бы никогда не приобрела в свою квартиру столь маркую мебель: на подушках будет заметно любое, даже крохотное пятнышко. Но Филипп Леонидович Верещагин, хозяин особняка, не заморачивается по поводу обивки. Подозреваю, он даже не в курсе, что в домашнем театре есть такой диван. Попробую объяснить, почему я оказалась за кулисами и какое отношение к писательнице Арине Виоловой, в миру Виоле Таракановой, имеют зеленые медведи, фея, на плаще которой вышит скелет, и капризный Муркин, не желающий выходить из лимузина, если встречающая сторона не расстелит перед ним шелковую красную дорожку, расшитую стразами от Сваровски.

Начну сначала. Умная женщина никогда не повторит глупости, которые совершали ее подруги. Умная женщина всегда придумает собственные. Ну, а теперь оцените по достоинству мою креативность. Мне удалось перещеголять всех приятельниц, я мастер спорта международного класса по попаданию в идиотские истории.

В начале февраля мне позвонила редактор, а заодно и близкая подруга Олеся, которая с места в карьер спросила:

– Вилка, хочешь заработать?

– Очень, – честно призналась я. – А что надо делать?

– То, что у тебя получается лучше всего, – ответила Олеся.

– Лежать на диване, лопать шоколадные конфеты и смотреть телевизор? – засмеялась я. – Сомнительно, что за подобные «таланты» много заплатят.

– Слушай меня внимательно, – велела Олеся и ввела меня в курс дела.

В свое время она училась в институте вместе с некоей Леной, а та вышла замуж за Николая, сестра которого... Короче, нет смысла рассказывать, каким образом Филипп Леонидович Верещагин вышел на Олесю Константиновну, но он позвонил в издательство «Элефант» сам, не передоверив дело никому из многочисленных помощников, предпочел лично объяснить суть вопроса. Любимая дочь одного из самых богатых людей Москвы Ирина, или, как зовут ее дома, Риша, отличница, умница, папина-мамина радость, ясное солнышко и свет в окошке, мечтает стать актрисой. Учитывая размер состояния Верещагина и его крепкие связи с коллегами-конкурентами во всем мире, я абсолютно уверена: Риша легко преодолеет планку вступительных экзаменов в любом театральном вузе России или с успехом попадет в академию киноискусств Лос-Анджелеса, Нью-Йоркскую школу драмы и прочих заведений, где готовят лицедеев. Отчего-то мне кажется, что Ириша может не переживать и по поводу будущей карьеры. Вполне вероятно, что девочка талантлива, она понравится зрителям, фильмы с ее участием будут «делать кассу», и Риша очутится в первом ряду актеров Голливуда. Есть пример того, каких высот способна добиться русская талантливая, трудолюбивая и не капризная девушка. Это Мила Йовович. Ни денег, ни связей у ее мамы Галины Логиновой на момент приезда в США не было, но обаяние, работоспособность и одаренность Милы сделали свое дело. Может, Ирина тоже сможет взять штурмом голливудские холмы? Но если за океаном Верещагина окажется никому не нужной, то дома, в России, ей стопроцентно суждено стать звездой первой величины даже при отсутствии необходимых природных данных. Деньги, понимаете ли, они могут все или почти все. Предвижу возмущение людей, которые возразят: «Любовь народа не купишь! Зритель не пойдет смотреть всякую чушь!»

Не стану спорить, вероятно, это так, но сценариста, оператора, режиссера можно нанять для съемок дорогого блокбастера с малюсеньким условием: папаша полностью оплачивает создание фильма, а главную роль в нем исполняет Ирина.

Чтобы побаловать девочку, а заодно и дать ей возможность попробовать себя на сцене, Филипп Леонидович решил устроить спектакль в домашнем театре. Да, да, к особняку Верещагина пристроен флигель со сценой и зрительным залом. Здесь выступают певцы, музыканты, любимые артисты семьи, демонстрируются кинофильмы. Поверьте, техническому оснащению, удобству гримерных и богатству интерьеров позавидует большинство столичных святилищ Мельпомены – музы-покровительницы трагедии. Филипп Леонидович щедр, всегда окружает людей искусства почетом и уважением, от него никто, даже самая незаметная пятая подтанцовка не уезжает без подарков и конвертов с солидным гонораром. Стоит ли удивляться тому, с какой скоростью звезды бегут на зов Верещагина?

Так вот, для бенефиса Риши Филипп Леонидович задумал поставить сказку. Естественно, главную роль должна играть его любимая младшая дочь. Для воплощения других образов пригласят лучших артистов или тех, кого захочет Ирина.

От меня требуется написать сценарий и вносить в него по ходу дела поправки. Но, самое главное, мне заплатят за не очень, на мой взгляд, пыльную работенку такую сумму, что я, не поверив своим ушам, переспросила у Олеси:

– Сколько?! Ты не ошиблась?

– Именно столько! – засмеялась она. – Здорово, да?

– Нет слов, – пробормотала я.

– Одно неудобство, – заявила подруга, – ты будешь работать с утра до ночи. Шумакову, конечно, это не понравится: он лишится своих любимых котлет, сырников и прочей вкуснятины, которой его потчуют по вечерам.

– Открою тебе страшную тайну, – вздохнула я, – вся, как ты выразилась, вкуснятина, покупается в готовом виде. Повариха из меня – как из слона канатоходец. Шумаков сам занят по уши и никогда не злится, если его любимая и единственная без усталости вспахивает свое поле.

– Вот и замечательно, – обрадовалась Олеся.

После этого разговора прошло чуть больше месяца. На календаре март, и сегодня у нас премьера. Старинные напольные часы напротив меня показывают полдень, спектакль назначен на восемнадцать ноль-ноль, но за кулисами уже вовсю кипит работа. Я расхаживаю с пачкой листочков в руках и на ходу правлю текст. Боря, модный режиссер, прославившийся эпатажными постановками, постоянно требует что-то изменить в сценарии. Ей-богу, не понимаю, каким образом актеры запоминают его разноречивые требования, но задача сценариста переделывать диалог, а не думать о проблемах исполнителей. Честно говоря, мне немного стыдно за «выпеченный пирог», но, право слово, я не очень-то виновата в том, что пьеса получилась, мягко говоря, идиотская. Я наивно полагала: напишу сценарий, потом Филипп Леонидович его прочтет, велит сделать поправки, и артисты начнут учить свои роли. Ан нет, все обстояло иначе.

Верещагин весьма подробно продиктовал свои требования: нужна русская сказка, с лешими, домовыми, Бабой Ягой, девочкой Машенькой, тремя медведями, гусями-лебедями и говорящей печью. Два действия, куча приключений и победа добра над злом. Роль хозяйки избушки на курьих ножках центральная, и ее будет исполнять Риша. Основная фишка заключается в том, что никто из гостей не увидит во время действия лица Бабы Яги, его скроет маска. Ни один зритель до последней секунды не догадается, кто так блестяще справился с ролью, еще и потому, что говорить «бабка» будет «мультяшным» голосом. Лишь в тот момент, когда труппа выйдет с поклоном на авансцену, Риша сбросит маску, удивив всех до шока. Чтобы сбить с толку зрителей, Иришу во время спектакля «посадят» в маленькую ложу над сценой справа. Артисты периодически будут обращаться к дочери хозяина, а той предписано кивать и махать им веером. Как Риша может раздвоиться, находясь одновременно на подмостках и в зале? Ну, это очень просто. В ложе будет сидеть девушка, похожая на Ирину, ее загримируют, причешут, оденут в платье, как у младшей Верещагиной, украсят драгоценностями. Из партера

сложно детально рассмотреть лицо, но никто из публики не усомнится в личности симпатичной брюнетки. Понимаете, какое восторженное «ах» издадут все, узнав, как их провели?

Филипп Леонидович остался доволен пьесой. Но дальше вожжи в свои руки взял Борис, и тут началось!

Перво-наперво режиссер отменил двух медведей, оставил одного, нарядил его в балетную пачку и заставил плясать африканские танцы. Затем он превратил печку в чайник, который из всех сил мешает мальчику Кузе добыть молодильные огурцы. Да, да, я знаю, что имя «Кузя» не характерно для русской сказки, но Емелю или Ваню Борис с гневом отверг. Я также в курсе, что омолаживающим эффектом обладают яблоки, но Борис не может мыслить традиционно. В результате бурной творческой активности постановщика в сценарии появилась добрая фея, которая на самом деле совершает гадкие поступки, милая интеллигентная Баба Яга – вегетарианка, принц Кузя, он же – заколдованный ишак. По ходу пьесы осел превратился в наследника престола. Надеюсь, пока понятно? Не обошлось и без короля Фердинанда, которого народ сверг, и королевы, очаровательной блондинки по имени «Дочь племени Йо». При чем тут индейцы или к какой там этнической группе принадлежит «племя Йо», я понятия не имею, но честно в сотый раз переписала пьесу. До кучи у нас есть Колобок, Карлсон и Пятачок. Можно, не буду пересказывать всю сюжетную канву, а перейду к артистам?

Бабу Ягу, как сообщалось ранее, играет Ириша. Кузьму исполняет Петр Аркадьевич Муркин, великий сериальщик, занятый, как правило, одновременно в пяти проектах. Чуть одутловатое лицо актера постоянно мелькает на экране. Вот вчера я щелкала пультом и увидела его сначала в фильме про бандитов, потом в телесаге, повествующей о ловеласах восемнадцатого века, следом в фантастическом кино про пришельцев. Когда я в очередной раз нажала на кнопку, на экране возникла стая обезьян, суетившаяся вокруг жожака, и я восхитилась мастерству гримеров. Надо же, как они здорово изменили внешность Муркина, его не отличить от настоящего гиббона! Но тут за кадром принялся вещать голос, и я сообразила: примат настоящий! Вот к чему приводит излишняя востребованность: начинаешь видеть Муркина даже там, где его нет. Петр староват для роли ишака, превращенного в прекрасного юношу, он несносен, требует к себе исключительного внимания, почтительности и всегда готов устроить истерику. Но Муркин входит в десятку самых популярных актеров, поэтому Верещагин настаивал на его кандидатуре.

Королеву играет Марфа, она требует указывать на афишах скромно «М. Ермолова». Если кто забыл, напомним: история русского театра знает великую Марию Николаевну Ермолову, скончавшуюся в тысяча девятьсот двадцать восьмом году. В Третьяковке висит ее портрет кисти Валентина Серова.

Медведя изображает Паша Лавров, успевший сняться в двух кинофильмах, которые получили призы на заштатных международных фестивалях. Ни «Оскара», ни «Пальмовой ветви», ни «Золотого глобуса» у Павла пока нет. Я была немало удивлена, когда, получив от Лаврова визитку, прочитала текст, набранный мелкими буквами: «обладатель Гран-при Международных кинофорумов в городах Лапин и Кучин». Я не имела понятия, где находятся указанные населенные пункты, полезла в Интернет и обнаружила их в Сибири. Международный статус мероприятиям придавали кинематографисты из села Морица, расположенного в Белоруссии, – они представили ленту «Сельская любовь», и из Таджикистана – с фильмом «Чужая любовь». Лавров позиционирует себя как серьезного исполнителя, чурается телесериалов, не общается с прессой. Почему он согласился танцевать в домашнем театре Верещагина, облачившись в костюм Топтыгина? Ответ прост, как веник: деньги, господа. Без презренного металла, увы, в нашей жизни никуда. У Лаврова, похоже, сложности с финансами, в таких обстоятельствах наступишь на горло собственной гордости и сбациаешь Топтыгин-рок-н-ролл.

Колобка и Пятачка играет Катюша Франк, очаровательная девушка, успевшая к своим двадцати с небольшим годам стать известной и любимой телезрителями благодаря сериалу

«Мама, папа, няня». Колобка по сценарию медведь съедает почти сразу. Пятачок появляется лишь в середине второго действия. Катенька приехала в Москву издалека, она из многодетной семьи, в которой вечно не хватает денег, а за пару ролей, соответственно, двойная оплата. Кто у нас еще остался? В смысле, из главных героев, всякие поющие мухоморы и скачущие из левой кулисы в правую лягушки, мыши и лебеди не в счет. Ах да, Карлсон! Толстяка с пропеллером на спине изображает Алеша Вересаев, телезвезда, ведущий программы «Сплетник», красавец и умница. Большинство российских девушек сойдет с ума от счастья, если Леша просто бросит в их сторону мимолетный взгляд, о его визите к себе домой они даже не мечтают, но ведь и не каждой повезло родиться Ришей Верещагиной. Сегодня Ира и кумир телезрителей вместе выйдут на театральную сцену. И для девочки, и для телемачо это первый опыт работы на подмостках. Мне кажется, что Алексей нравится богатой наследнице: иногда она бросает на него быстрый взгляд и трогательно краснеет.

Я подошла к большой доске с плакатом, на нем помреж указал фамилии всех занятых артистов и расписал точное время их выхода на сцену. Вверху большими красными буквами пламенели слова «Замок храпящей красавицы». Ну и кто у нас шутник? На самом деле пьеса именуется «Замок спящей красавицы», название начертал на первой странице рукописи сам Филипп Леонидович. Я, чтобы хоть как-то оправдать дикое смешение разноплановых и разносказочных персонажей, предложила «Фантазмагория в лесу». Но хозяину оно категорически не понравилось, и он царской рукой вывел свой вариант. А сейчас местный юморист не поленился заменить прилагательное. Хотя, учитывая абсурдность сценария, – «Замок храпящей красавицы» именно то, что надо. Я еще раз посмотрела на яркие, притягивающие внимание буквы и ушла, стараясь не рассмеяться во весь голос.

Глава 2

По непонятной причине за полчаса до начала представления меня охватил мандраж. Невидимая рука сжала желудок, ноги похолодели и стали подрагивать, голова закружилась, в глазах запрыгали серые мушки. Приступ паники напал на меня внезапно в коридоре, мне стало понятно: сейчас я упаду. Я хотела опереться о стену, но рядом оказалась дверь, которая от моего прикосновения распахнулась. Я влетела в гримерку и очутилась в уборной Лаврова. Павел сидел перед большим зеркалом и мазал лицо тональным кремом. Услышав шум, он повернулся, глянул на меня и спросил:

– Что-то надо?

– Прости, – залепетала я, – мне плохо...

Продолжение фразы застряло в горле, я потеряла дар речи. А вы бы как отреагировали, увидев у дивана на небольшой консоли человеческую голову с полузакрытыми глазами, высушенным языком и окровавленной шеей?

– Ой, мама! – взвизгнула я.

Павел проследил за моим взглядом, быстро вскочил, набросил на ужасный муляж плед с дивана и крайне раздраженно, даже зло сказал:

– Не фиг по чужим гримеркам шариться, тебя сюда не звали.

– Извини, – прошептала я, – это случайно вышло, у тебя было незаперто.

Лавров взял себя в руки.

– Ерунда, я сам виноват, надо крючок накидывать. Голова бутафорская, я снимаюсь в одном проекте в Голливуде – это большой секрет, я приглашен всемирно известным режиссером, боюсь облажаться. Вот и вожу с собой башку в сумке, вживаюсь в образ: я Гамлет из трагедии Шекспира. Вот так!

– Ага, – промямлила я, – пойду выпью воды. Что-то душно стало.

Павел кивнул, я выбралась в коридор и перевела дух. Нет, Лавров точно псих! Хотя все актеры с левой резьбой, но, согласитесь, разгуливать с отвратительным муляжом, чтобы проникнуться духом Гамлета, как-то чересчур.

Филипп Леонидович не по-светски пунктуален, он не терпит опозданий. Спектакль начался ровно в восемнадцать ноль-ноль. Зрители, сверкая бриллиантами, роскошными часами, шурша длинными платьями и источая ароматы элитной парфюмерии, уселись на свои места, поставили на столики бокалы с шампанским и оживленно зааплодировали. Самый шикарный наряд был у жены хозяина, Аллы Константиновны. Узкий корсет, расшитый драгоценными камнями, подчеркивал узкую талию, приподнимал грудь и переходил в огромную юбку, натянутую на кринолин, такую широкую, что супруга олигарха была вынуждена протискиваться в двери зала бочком. Не совсем удобный, на мой взгляд, прикид, но смотрится эффектно.

Когда публика начала рукоплескать, я, обозревавшая зрительный зал через щель в занавесе, слегка струхнула. Вдруг пьеса провалится? Или Риша не справится с ролью? Девочка здорово нервничает.

– Их там много? – спросили у меня за спиной.

Я обернулась. Вот и она собственной персоной, вся бледная, а рука, которой Ира схватила меня за плечо, просто ледяная.

– Тебе холодно? – спросила я, ощутив сильный запах горького шоколада.

Риша кивнула.

– Постарайся успокоиться, – засуетилась я, – сейчас дадут первый звонок.

Она молча прильнула глазом к щели.

– Ой, сколько народу! Полный зал!

– Наверное, твой отец не впервые созывает всех друзей, – улыбнулась я.

Риша поежилась.

– Точно, папа большой любитель тусовок и вечеринок, у нас собирается музыкальный салон раз в неделю по пятницам. Еще мы отмечаем дни рождения, праздники, вроде Нового года, Пасхи, отец регулярно приглашает гастролеров. Но я никогда не выступала на сцене.

– Даже в школьных спектаклях? – удивилась я.

Ирина стиснула кулачки и прижала их к груди. Я почувствовала резкий запах пота, его не смог скрыть даже аромат дорогих духов. Стало понятно, что девочка очень напугана. Ириша не принадлежит к числу грязнуль, я общаюсь с ней не первый день. У нее всегда красиво уложенные волосы, маникюр, а уж о том, чтобы пахнуть, как бомжиха, и речи не может быть. Но сегодня Ирише не помог дезодорант. Некоторые люди в минуту страха слишком сильно потеют. Вероятно, наша дебютантка из их числа.

Ира сделала шаг назад.

– В моем классе учатся три человека, а во всей гимназии и пятидесяти не наберется, театрального кружка в школе нет, есть изостудия, балетный кружок и класс игры на фортепьяно. Рисовать я совсем не умею, у нас хороший педагог, он очень старался, чтобы ученики добились успехов, но я даже кубик не осилила. Ну совсем не Репин. На пианино умею немного играть, но мне не победить на конкурсе имени Чайковского. Хотела актрисой стать – ничего сложного в этом нет, на репетициях Борис меня хвалил, да я и сама чувствовала, что хорошо получается. Было так весело! Муркин и Марфа меня поддерживали, одобряли, советы давали. Вчера Петр Аркадьевич даже похвалил меня: «Весьма недурственно, добавь куража, и глаз заблестит».

Я улыбнулась. Муркин славится мерзким характером, Марфа под стать ему, но они понимают: не следует кусать руку, которая протягивает тебе кусок хлеба, щедро намазанный маслом и черной икоркой. Хотя, может, актеры и не очень кривили душой. Мне Риша нравится, она трудолюбива, старательно выполняет указания Бориса, не скандалит, не ноет, по двадцать раз повторяет свои реплики, добиваясь нужной интонации.

– И Леша с Катюшей такие милые, – бубнила Ириша, ежась от холода. – Летом они ко мне в Италию приедут, у нас там большой дом. В общем, пока мы репетировали, я удовольствие получала, а сейчас боюсь, дрожу. Зачем согласилась? Провалюсь с треском, закидают меня гнилыми помидорами и тухлыми яйцами!

Я обняла Ришу.

– Мандраж перед премьерой – обычное дело, его испытывают все актеры, включая мэтров. Овощей и яиц публика теперь в театр не носит. В зале сидят друзья вашей семьи, они настроены благожелательно, врагов среди них нет. Встряхнись, соберись и не сомневайся в успехе.

Риша протяжно вздохнула.

– Насчет друзей вы не совсем правы. В партере люди, не очень хорошо относящиеся к папе с мамой. В бизнесе не дружат.

– Зачем тогда устраивать домашние спектакли? – перебила я девушку. – Разве не на радость добрым знакомым?

Риша отошла от занавеса.

– Это политика. Расчет. Возможность продемонстрировать конкурентам свою финансовую стабильность. Если в твой дом приходят сливки общества, значит, хозяин на коне. Знаете, как списки приглашенных составляются? Кого звать, а кого нет? Папа неделю думал. Конечно, никто меня не освищет, это я так, ради красного словца, сказала. Наоборот, устроят овацию, завалят цветами, будут восхищаться.

Ириша прикусила верхнюю губу, над которой белел крохотный шрам.

– Но что на самом деле они подумают? Как обзовут меня, когда поедут домой? Дурой? Выскочкой?

Я развернула девочку лицом к коридору, взяла ее за руки и повела вперед, приговаривая:
– Они тебя и без спектакля обсудят. Не думай о всякой ерунде. Хочешь стать актрисой? Хватайся за любую возможность поработать на сцене и помни: тебе не повезло.

Ириша остановилась.

– В чем?

– Ты родилась в семье очень богатого человека, – пояснила я, – уже один этот факт взбесит многих из тех, с кем ты встретишься после окончания элитной школы.

– Знаю, – спокойно ответила Риша, – моей лучшей подругой была Ксана Мордан. Когда ее переводили в обычную городскую гимназию, она мне сказала: «Ничего, скоро и твой отец разорится, пересядешь из джипа на метро, вот уж я посмеюсь». Папа Ксаны потерял свое состояние, у них с тетей Наташей вообще ничего не осталось. Дом продан, мать Ксаны свои бриллианты на аукцион выставила вместе с шубами. Не знаю, где они сейчас живут. Алик Сергеевич говорит, что ему надоели пробки на въезде в Москву, поэтому он решил перебраться из Подмосковья в город, тетя Наташа заявила о желании снова работать учительницей, дескать, Ксана выросла, ей, матери, скучно. А дочь они в простую школу отдали, якобы чтобы та научилась жизни. Хорошие объяснения, но всем же понятно, что к чему. Ксана мне больше не звонит, а в своем блоге гадости кропает.

– Будь готова к тому, что завистники, увидев твой успех, воскликнут: «Ну конечно! Папаша девчонке за деньги хорошую прессу купил», – сказала я. – И эти же люди в случае твоего провала заявят: «Ха! Ирка так бесталанна, что у отца не хватило миллионов обеспечить ее дорогу к славе». Ты всегда будешь под прицелом. Иди вперед, не обращай внимания на завистников, сплетников и подлецов, помни, человек искусства переживает и взлеты, и падения, не поддавайся на удочку тех, кто хочет тебя потопить. Плыви как ледокол.

– У Ванессы это получилось, – после некоторого колебания произнесла Риша, – а у меня может выйти облом. Папа не обрадуется, если спектакль провалится, он может быть очень злым, когда не по его получается.

– Кто такая Ванесса? – исключительно для поддержания беседы спросила я, пока мы шли по коридору.

Риша остановилась.

– Вы что, радио не слушаете? Телевизор не смотрите? Газет не читаете? Ванесса – это солистка группы «Токс».

– А-а-а, – протянула я, – яркая, талантливая молодая женщина, да, она сумела взобраться на вершину славы. Но вы с ней не конкурентки и, думаю, не подруги. Зачем ты ориентируешься на рок-звезду?

Риша открыла дверь своей уборной.

– Это моя сестра.

От удивления я спросила:

– Родная? Или от первого брака Филиппа Леонидовича?

Ириша чуть подняла брови.

– Папа с мамой со школьных лет вместе, они никогда не разводились. Ваня родилась, когда им по семнадцать лет стукнуло.

– Понятно, – сказала я.

Риша вцепилась пальцами в косяк.

– Мисси, моя другая сестра, блестяще закончила Лондонский колледж права и бизнеса, стажировалась в Принстоне. Она сейчас правая папина рука, всегда с ним, он ее очень ценит, платит ей заслуженно большую зарплату. О Мисси даже самые злобные люди плохого сказать не могут, она ангел с калькулятором. От меня тоже ждут успеха. Но природа решила на мне отдохнуть, не получится из меня ничего блестящего, в семье, как водится, не без уроды. Вот только жаль, что роль debilки досталась мне. Вилка, я сейчас трясусь, и от нервов сказала то,

что говорить не следовало. То, что Ванесса по паспорту Верещагина, большой секрет. Она с родителями давным-давно поругалась. Я была совсем крошкой, не помню старшую сестру, не знаю, что у нее с отцом и матерью случилось. Мисси небось в курсе, но из нее лишнего слова не выдавить. Я бы тоже не растрепала, но мандраж язык развязал. Вообще-то родители думают, что я не знаю про Ванессу! Пожалуйста, не выдавай меня.

– Считай, что я заперла секрет в сейфе, – улыбнулась я.

Ириша кивнула и исчезла в гримерке. В воздухе остался аромат ее парфюма: интенсивный запах горького шоколада, а я направилась назад, в кулисы. Трудно быть обычной девочкой, если одна твоя сестра – кумир публики, а другая смело толкает вперед семейный бизнес. Надеюсь, у Ирины все сегодня получится на отлично, и ее самооценка вырастет.

Спектакль начался с конфуза, чуть было не обернувшегося трагедией. По задумке Бориса действие открывалось музыкальной заставкой. Во время исполнения незатейливой мелодии с потолка спускался Карлсон. Алеша Вересаев, изображающий «самое доброе в мире привидение с мотором», плыл по воздуху, медленно размахивая руками. Чтобы полет выглядел максимально реальным, был закуплен специальный прозрачный трос, а механизм, который перемещал Вересаева, работал совершенно бесшумно. На репетициях все получалось замечательно, и сейчас в первые секунды тоже шло хорошо. Леша показался из-за широкого ламбрекена и, старательно распевая во все горло: «А-а-а-а», начал полет.

Зрители дружно зааплодировали. Вересаев решил симпровизировать, растопырил руки и стал раскачиваться, похоже, хотел изобразить борьбу Карлсона с ветром, но у него не получилось. Алеша с воплем «блин» обвалился вниз. Я в ужасе зажмурилась. Сколько костей переломает главный мачо телевидения, рухнув на сцену, покрытую дубовым паркетом?

– Аа-ах! – в едином порыве выдохнул зал, и наступила тишина.

Поскольку никто не заорал: «Врача! Скорей! Реанимацию», – я приоткрыла один глаз и сделала совершенно не свойственный мне жест – перекрестилась.

Посреди сцены стоит кровать: первая картина проходит в спальне короля Фердинанда и его супруги. Шанс попасть на ложе практически равнялся нулю, но Вересаев угодил прямоком на матрас, прикрытый пуховым одеялом и заваленный разноцветными подушками.

Я схватилась за вспыхнувшие огнем щеки. Что такое удача? Цепь случайностей. На первой репетиции Борис хотел, чтобы Петр и Марфа сидели на полу, на тонком пледе, и дрались тощими подушками. Муркин и Ермолова подчинились, но потом Петр «выдал звезду».

– Не буду ползать по жесткой сцене, колени болят и локти. Или ты ставишь кровать, или я отказываюсь от роли!

Вот почему на сцену втащили деревянное ложе. Увидев, что его каприз выполнен, Муркин утешился, но теперь настал черед Марфы, которая почувствовала себя обиженной. Как же, ради Пети изменили композицию первого явления! А она, Ермолова, что, бродячая собачка, которую из милости пустили погреться на коврик у двери? У нее свои требования! И Марфа ринулась на Бориса, размахивая саблей.

– Положите ортопедический матрас! Набросайте качественные, дорогие подушки, а не недоразумение из бутафорского цеха! Хочу пуховое одеяло!

Борис отлично знает: звезде следует уступать в мелочах, потому что это позволит потом настоять на своем в глобальном вопросе. Режиссер не стал спорить, удовлетворил Марфины запросы. Я про себя осудила избалованных артистов, но получается, что своими капризами Марфа с Петром спасли жизнь Алеше.

Пока Вересаев бултыхался в одеяле, в зале раздался смех, перешедший в хохот, когда Алексей встал, повернулся боком к публике, раскинул руки и, громко жужжа, уплыл в кулису.

Карлсон выглядел комично. На нем была короткая синяя курточка с пропеллером между лопаток, под ней виднелся накачанный загорелый пресс с «кубиками», еще ниже обнаружились трогательные, нежно-голубые трусы, именуемые «боксерами», из них торчали волосатые ноги

в носках и начищенных ботинках. Брюки остались на постели, вероятно, сползли, когда Вересаев барахтался в одеяле. Ведущий популярного шоу, которое идет в прямом эфире, обязан уметь с честью выходить из любых форс-мажорных обстоятельств, но все же я была восхищена Вересаевым. Красавчик сильно вырос в моих глазах. Не всякий мужик, свалившись с большой высоты и чудом избежав гибели, найдет в себе силы живенько вскочить и рассмешить публику. Народ, расположившийся в красных бархатных креслах, решил, что падение Вересаева было запланировано, и сейчас хлопал в ладоши.

Я перевела дух и ринулась в другую кулису. На сцене тем временем король и королева устроили ссору. Под их вопли я добежала до стула, на котором сидел Алеша. Рядом, держась за сердце, стоял Борис, из которого потоком лилась нецензурная брань. Режиссер подробно живописал, что, как долго и в какой форме он будет делать с человеком, по вине которого расстегнулось крепление. Запах алкоголя, исходивший от «Станиславского», стал еще гуще.

– Ты в порядке? – пропыхтела я.

Алексей сказал:

– Перепугался, чуть не умер.

– Я тоже едва не скончалась, – призналась я, – поставь свечку в церкви.

– Я неверующий, – выдохнул Вересаев, – хотя, наверное, теперь надо пойти покреститься.

Фу!

– Играть сможешь? – поинтересовался слегка остывший Борис.

Алексей кивнул.

– Без проблем, но мне нужны другие брюки. Черт, с чего бы им рваться?

– Почему ты упал? – спросила я.

Алеша дернул плечом.

– Понятия не имею. Просто ощутил, что лечу вниз.

– Кто закреплял трос? – не успокаивалась я.

– Михаил Степанович, – ответил Вересаев, – как всегда. Он это сто раз на репетициях проделывал, и ничего не случалось. Ладно, дайте мне другие портки, скоро мой выход.

Я вернулась в кулису и стала наблюдать за актерами. Пьеса шла без сучка и задоринки. Через десять минут после начала медведь, одетый в балетную пачку, слопал Колобка и принялся исполнять дикие пляски. «Труп» хлебобулочного изделия отполз за сцену и, резво вскочив на ноги, понесся в сторону гримерок. Катя Франк спешила превратиться в Пятачка. Топтыгин отскакал положенное и замер. Сейчас должна появиться Баба Яга, но она не торопилась. Лавров постоял секунду, потом хлопнул в ладоши и пошел вприсядку. Минуты три он выделял незапланированные коленца, и мне стало жаль артиста. Балетные па только кажутся легкими. Ну-ка, попробуйте, нет, не сплясать, а сделать простой «пистолетик», присядьте на левой ноге, вытянув правую вперед параллельно полу. И как, получилось? А бедный Лавров отчебучивает некий гибрид гопака, краковяка и акробатического этюда, одетый в костюм медведя. Да там одна морда весит килограмма три. И где, черт возьми, Риша?

Внезапно я почуяла аромат парфюма с нотами ландыша и фиалки. Баба Яга стремительно пронеслась мимо меня на сцену. Я быстро зажала нос и рот рукой. Хорошо, что в этот момент загремела музыка, и звук «апчхи» не долетел до зрительного зала. Некоторые духи вызывают у меня совершенно безудержное чихание, длящееся несколько минут. К сожалению, Ришин парфюм принадлежал к этой категории. Она решила освежиться перед спектаклем, поэтому и подзадержалась.

Я кинулась в коридор, начихалась там до изнеможения, вернулась в кулису и успокоилась. Представление шло нормально, подтверждая верную примету: что отвратительно начинается, потом продолжается с блеском и завершается триумфом. Лишь в самом конце произошла крохотная накладка, Баба Яга снова опоздала к моменту выхода всех участников для последнего поклона. Ириша опять пролетела мимо меня, оставляя за собой запах шоколада. А когда

она сняла маску, эффект превзошел все ожидания: публика вполне искренне восхищалась и швыряла на сцену букеты. Правда, некоторые гости, кстати, тоже с цветами, поджали губы и зашептались. Наличие завистников порадовало меня. Раз кое-кто не смог спрятать истинные чувства под светской улыбкой, значит, Риша отлично справилась с ролью.

Глава 3

После представления всех пригласили на банкет. Я не удержалась и стала пробовать блюда, которые стояли на длинных столах. Было невероятно вкусно. Около подноса с маленькими пирожками я налетела на Лаврова и Катю Франк.

– Оторваться невозможно, – с набитым ртом произнесла актриса. – Ничего вкуснее я никогда не ела.

– Там заливное, пища богов, обязательно попробуйте, – посоветовал мне Паша и задергал носом. – Где-то, похоже, торт стоит.

– Стыдно признаваться, но я обожаю сладкое, – сказал за моей спиной Вересаев.

Я обернулась.

– Почему стыдно?

– Вроде это не мужская страсть, – засмеялся Алексей. – Мачо положено пить коньяк, закусывать его лимоном и кромсать ростбиф. Пойду поищу пирожные. Вам принести?

– Спасибо, Лешик, – ласково ответила Катя, – но моей фигуре и так уже нанесен урон.

Пять пирожков и гора салатов.

– А я лучше рыбкой закушу, – потер руки Лавров. – Осетрина выглядит очень аппетитно. Вересаев обнял меня за плечи.

– Вилочка, ты не откажешься?

– Нет, – храбро ответила я, – и, пожалуйста, никаких диетических тартелеток с фруктами.

Мне корзиночки со взбитыми сливками или эклеры с жирным кремом.

Он рассмеялся и ушел.

– Забавно, что Лешик считает себя мужчиной, – прокурлыкала Катя.

– Ну, в принципе, он на него похож, – усмехнулся Паша. – Брюки и все такое. Откуда несет шоколадом?

– Это мои духи, – сказала Франк.

– Какая гадость, – оценил парфюм Лавров.

– Много ты понимаешь, – обиделась Катя. – Самый модный и сексуальный запах сезона. Флакон бешено дорогой. Жаль только, почти у всех есть. От Риши, например, так же пахнет.

– Я не поклонник этого аромата, – скривился Паша. – Вот Алешенька от него впадет в восторг, но он не мужчина, а голубое недоразумение. Я пошел за рыбой.

– Идиот, – резюмировала Катя, когда Павел ввинтился в толпу. – Может, Вересаев и голубой, но он вежливый, воспитанный. Погнал за пирожными и всем принести предложил. Пашка натурал, а о том, чтобы женщинам тоже рыбки предложить, не подумал!

– Алексей мало похож на гея, – удивилась я.

– Свечку не держала, не знаю, – фыркнула Франк. – Думаю, Пашка от зависти злобствует, он просто Лешiku завидует. Тот симпатичный, душка, комплиментами сыплет, не хам, не грубиян. Никогда простого человека не обидит, автографы раздает, улыбается всем. Его народ обожает. Думаешь, почему Филипп Леонидович Вересаева в спектакль позвал? Говорят, Лешик от олигарха в последнее время не выходит, ведет у него тусовки, работает личным шутком. А еще шушукуются о его отношениях с Иришей, их видели вместе в ресторанах и кино. Лаврову чужая удача, как нож в спину.

– Вересаев – хорошая партия, – необдуманно сказала я.

Катя снисходительно улыбнулась.

– Для многих, но не для Ирины. Филипп не отдаст дочь за нищего телеведущего, найдет ей ровню по капиталу и положению.

– Если она прогуливается с Алексеем, значит, ее родители не против, – возразила я.

Катя сморщила курносый носик.

– Думаю, Филипп Вересаеву заплатил, велел Ирину в тусовку ввести, познакомить со всеми. Сам-то он на вечеринки молодежи не ходок, а дочке развлекаться хочется, полюбоваться потом на свои фото в глянце. Олигарх не дурак, знал, кому дочурку вверить. Если Ирина с Алексеем пару месяцев потаскается, о ней все заговорят. Вероятно, Рише Лешик по сердцу, но она ему точно нет, это работа – пиарить дочурку богатого дяди. Кое-кто зарабатывает на этом неплохие деньги. Вау, глянь, Борьку волокут. Совсем напился. А насчет Риши, думаю, Лешка ей нравится. Я видела, как она что-то Вересаеву на ухо шептала, а потом его в щеку поцеловала и убежала. Леша лицо вытер и буркнул: «Жвачка». Совсем на страсть не похоже! О! Там Филипп Леонидович собственной персоной появился, пойду лизну золотую глыбу, авось немного презренного металла на язык налипнет.

Катя выпрямила спину и поспешила туда, где маячила фигура хозяина.

– Умелась гидра? – спросил Паша, подходя ко мне. – Рыба блеск! Куда Катька подалась?

– Отправилась поговорить с Верещагиным, – ответила я.

– Сейчас будет роль выпрашивать, – скривился Лавров. – До чего некоторые люди неразборчивы! Деньги им все заменили. Катюха готова за бабло голой по Тверской пробежать. А Ленка Минская! Та еще хлеще! Неужели не противно? Ведь может хорошей актрисой стать, а согласилась балдой сидеть.

До сих пор мое общение с артистами ограничивалось исключительно работой. Все они казались мне талантливыми, приятными людьми, профессионалами, уважающими друг друга. Но сейчас Паша и Катя открылись с другой стороны, которая мне совсем не понравилась.

– Катюха ищет кого побогаче, – продолжал сплетничать Лавров, – понимает, что товар надо продать подороже. Спелый персик быстро гниет, вот она и бьет копытом. М-да, Верещагин плохая идея, всем известно, что Филипп Леонидович примерный семьянин. Не на что Франк рассчитывать, нет, ты посмотри, как она изгибается! И снова ошибка! Бюст у Катьки не ахти! Ничего, что я разболтался?

– Конечно нет, приятно пообщаться с талантливым человеком, – выдавила я из себя приличествующую моменту фразу.

– Да, я гениален, – без тени кокетства, совершенно серьезно заявил Лавров. – Мало найдется в России тех, кто сможет со мной конкурировать. Но я разборчив в отличие от Муркина: тому по барабану, где сниматься, лишь бы бабло отстегивали. А на мой взгляд, лучше ездить на «Жигулях» и уважать себя, чем катить на «Майбахе» и знать: ты дерьмо, штампующее однотипные персонажи, – вечный мент с пистолетом. Такому доверь Гамлета, и снова выйдет мент с пистолетом.

Ехидные речи Лаврова прервал звонок мобильного, Павел вытащил трубку.

– Да, да. Ну, конечно, не забыл! Время есть. Ах, уже идти? Она в гримерке, кушать не просит, все о'кей, я отлично сыграю! Не надо меня поучать!

Актер положил сотовый в карман.

– Вынужден откланяться, просят подойти в холл, сфотографироваться для журналов. Завершая нашу беседу, еще раз скажу: мой выбор «Жигули», а не «Майбах». Я не торгую своим талантом.

– О машинах балакаете? – громогласно спросил Петр, выныривая из толпы.

– Привет, Петруччио, – совершенно, на мой взгляд, искренне обрадовался Лавров. – Как Рита? Выздоровела?

– Не совсем, – поморщился Муркин. – Все болеет.

– Возраст дает о себе знать, – вздохнул Павел, – душа остается молодой, а тело сдает. Я полетел к журналистам.

Муркин проводил Лаврова недобрым взглядом и посмотрел на меня.

– Умеет Паша себе цену набить. «Полетел к журналистам». Цирк.

– Вроде Лаврова по телефону позвали к корреспондентам, – сказала я.

Муркин поморщился.

– Вилка, какая наивность! Кто мог Пашке позвонить? Пресс-агента у него нет, машины, кстати, тоже, он пешком разгуливает. Денег у Лаврова пшик, да и откуда бы им взяться? Папарацци сами никому не навязываются, да их тут и нет. Филипп Леонидович пускает лишь нескольких журналюг из гламура, вон они, ходят с камерами, все на глазах. Меня уже сто раз сняли, Пашка на фиг никому не нужен. Он тебе пыль в глаза пустил, понтыриш. И сволочь! Любит ущипнуть с невинным видом. Слышала, да? Понравилось?

– Извини, – смутилась я, – вероятно, я сейчас скажу что-то не то, но Павел вполне любезно вел себя.

– А вопросик о Рите? – прогудел Петр. – Каково?

– Он лишь поинтересовался ее здоровьем, – тихо произнесла я.

Муркин нахмурился и неожиданно выдал:

– Ты с ним спишь?

Я уронила бутерброд с ветчиной, который почти успела запихнуть в рот.

– Даже не дружу, просто болтала с ним о пустяках.

– Зачем тогда защищаешь дурака! – взвизгнул Петр. – Нечего прикидываться розовой белкой, тупой синей мартышкой!

Я растерянно заморгала, актер вскинул голову и прошествовал к стойке, где крутилось несколько барменов.

– Петяша тебя обгадил? – обрадованно поинтересовалась невесть откуда появившаяся Катя. – Это он умеет.

– Похоже, я обидела Петра, но абсолютно не понимаю чем, – призналась я и пересказала ей нашу беседу.

Катерина залилась смехом.

– Вау, прикольно. Муркину сороковник, а его жене Маргарите шестьдесят пять.

– А-а-а, – протянула я. – Большая разница. Теперь ясно, на что намекал Лавров.

– Ему бы помалкивать, – зашептала Франк. – Сбитый летчик никому не нужен. Ни один режиссер, я имею в виду из нормальных, активно работающих, его в проект не возьмет.

– Почему? – удивилась я.

Франк всплеснула руками.

– Паша наркоман. Ты не поняла?

– Нет, – призналась я.

– Сначала он на коксе сидел, сейчас, говорят, колется, – сообщила Катя. – Ну подумай, по какой причине Павлик согласился медведя играть? За бабло. Оно ему больше, чем другим, нужно.

– Лавров утверждает обратное, – пробормотала я. – Он-де выше презренного металла.

– Конечно, – усмехнулась Катя, – можно подумать, Паша весь такой творческий! Не соглашается на сериалы, меня и Муркина с Ермоловой за дерьмо считает. Почему тогда в шкуру влез и тумбу-юмбу бацал? А? Из каких таких великих творческих идей? Надо же, создал образ Топтыгина на домашней вечеринке! Вилка, мы все к Верещагину за рублями пришли и не выпендриваемся. Тебе деньги нужны?

– Да, – кивнула я, – поэтому я наваяла сценарий.

– Стесняться нечего, – фыркнула Катя, – у Филиппа золотые горы, у нас талант. Круговорот денег в природе. У Пети жена болеет, я хочу машину, мне ее никто не купит, не имею богатых любовников. Вересаев любит путешествовать, Марфа брюлики скупает. У каждого своя радость, и на нее нужны монетки! Пашка же из себя бессребреника корчит. Но, поверь, если ему миллиончик, другой, третий предложить, Лавров кого хочешь убьет. Не верю я людям, которые на каждом углу о своем безразличии к всемирному эквиваленту трезвонят.

Во мне внезапно проснулось детское желание спорить.

– Встречаются и такие.

Катерина смерила меня взглядом.

– Ага. Только они живут в монастырях, склепах, пещерах или сидят в лесу, в скитах, а не шляются по вечеринкам. Лавров у нас очень творческий, последняя его роль – старик, который умирает от голода. Жутчайшая кинуха! Ее снял Олег Бурков, он из психушек не вылезит, светлых красок не видит. Пашка в двух эпизодах занят, сначала его со спины показывают, он стоит у окна. Затем анфас, но с закрытыми глазами, дедушка спит. Крутая, мощная роль. Фильмец получил премию на фестивале в городе Кирдыкс. Слышала о таком населенном пункте?

– Нет, – ответила я, – прости, я не фанат кино, далека от этого мира, впрочем, я и литературных наград не вспомню.

Катя засмеялась.

– Не смущайся, сейчас кинофестивалей как тараканов развелось. На мой-то взгляд, лучше вообще ничего не получать, чем заявлять: «Я лауреат конкурса в городе Кирдыкс». Круто звучит! В Канны его не позвали, никому он там не нужен, зато в Кирдыксе пригодился. Первый парень на помойке. Слышала пословицу: у кого чего болит, тот о том и...

Я как раз успела засунуть в рот очередной пирожок, поэтому просто кивнула.

Франк поправила волосы.

– Паша постоянно твердит, до какой степени ему не нужны деньги, из чего я делаю вывод: Лавров мечтает огрести все золото мира. Вот мы с Ленкой Минской честно признаемся, не стесняемся: «Хотим машину, квартиру, брюлики и прочее».

Я спросила:

– Кто такая Минская? Павел о ней вскользь упоминал.

Катя искренне удивилась.

– Ленка? Моя подружка, мы на одном курсе учились. Ей, правда, пока не везет, но все впереди. Она весь вечер в ложе сидела, ну, там, над сценой, изображала Ришу. Ты чего, ее не видела? Минская же на последних репетициях с нами была.

– Она на сцену не спускалась, – улыбнулась я, – находилась наверху, Борис ей снизу кричал, какие позы принимать. Я с ней не знакома. Здорово она, однако, на Ришу похожа, даже без грима.

– Ага, – согласилась Катя. – Но, увы, Ленка не Ирина, все пытается пробиться, и мимо.

– И где она сейчас? – спросила я. – Ее, похоже, на банкете нет.

Катя завертела головой в разные стороны.

– Не вижу Лену, ну да и понятно: ее небось не пригласили, слишком на царскую дочь смахивает. Ты испачкала платье, на груди пятно.

Я скосила глаза и расстроилась.

– Черт! Уронила, наверно, каплю варенья из пирожка!

– Пойди в туалет и замой, – деловито посоветовала Катя. – Высохнет быстро, следа не останется. Ступай в наш театральный сортир, в общей дамской комнате прорва бабья. О! Стой! Не уходи.

Я удивилась:

– Почему?

– Смотри, – по-детски радостно воскликнула Катя. – Вау! Привезли мясо с фейерверком. Ростбиф-шоу! Обожаю! Супер! Ты его когда-нибудь видела?

– Нет, – ответила я.

Франк схватила меня за руку и потащила в центр зала, где установили огромную жаровню с тушей барана. Два обнаженных по пояс парня вращали вертел под музыку. Еще пара мужчин в белых, обтягивающих их накачанные тела комбинезонах принялась жонглировать ножами. Гости зааплодировали, я, разинув рот, наблюдала за представлением. Люди с клинками ловко нарезали мясо, ухитряясь отхватывать идеально ровные, тонкие куски, швыряли их на тарелки,

которые протягивала прехорошенькая девушка в шароварах и прозрачном топики, одновременно подбрасывали в воздух ножи, затевали между собой драку, садились на шпагат, делали стойку-мостик. Помощница успевала ловить очередную порцию мяса и подавать ее гостям. Действо длилось долго, оторваться было невозможно, оно завораживало. Под самый конец из головы почти съеденного барашка забил фейерверк, я встряхнулась, вспомнила про испачканное платье, решила замыть пятно и бочком-бочком двинулась к деревянной панели, на которой висела табличка: «Только для сотрудников». Дверь была из цельного массива дуба, поэтому сразу открыть ее у меня не получилось. Пару минут я пыталась справиться со створкой, в конце концов та неожиданно отворилась сама.

– Тяжеловата для вас будет, – вежливо сказал охранник, открывший дверь изнутри.

– Надо фитнесом заниматься, мышцы накачивать, – улыбнулась я, очутившись в небольшом холле, и добавила: – Спасибо, Роман.

– Не за что, – профессионально вежливо отозвался парень, – пружина очень тугая, ее не всякий мужчина оттянет. Павел Лавров минут за двадцать до вас заходил, так он не справился. Извините, Виола Ленинидовна, вы платье испачкали.

– Знаю, – кивнула я, – хочу замыть.

Муркин был прав: Павел мне наврал, он спешил не к прессе, а в уборную. Может, и Катя не ошиблась, говоря, что артист наркоман?

Роман прищурился.

– Пятно красное, может от воды не отойти. Попросите у Фаины гель. Я в прошлую смену на белую рубашку кофе пролил, думал, жена изругается, а Фая дала мне маленькую бутылочку – одной капли хватило, ничегошеньки от пятна не осталось.

– Большое спасибо за совет, – обрадовалась я и поспешила по коридору, в вотчину Фаины.

Вообще-то должность ее называется красиво: директор театрально-концертного комплекса «Верещагин эстейт». Но по сути Фая местная экономка, кастелянша, завхоз, медсестра, буфетчица и все остальное. Если у кого из занятых в спектакле актеров что-то случается, он идет в узкую длинную комнату и просит директора:

– Дай мне нитки, иголки, сахар, чай, одеколон, новые колготки, бутерброд с селедкой, живую черепашку, веник из крокодилий хвостов, яйца птицы Ру... – и так далее.

Выслушав просьбу, Фаина исчезает среди бесконечных рядов стеллажей, через небольшой промежуток времени возвращается и приносит именно то, что надо. Мне кажется, что она родня старика Хоттабыча, иначе откуда все берет?

Из холла, где, как правило, стоит охранник Роман Виноградов, есть два выхода. Один в общий зал, другой в личные покои Верещагиных, нас туда не приглашали. Думаю, если кому-то из артистов придет в голову нанести олигарху незапланированный визит, нежданного гостя вежливо остановят. А вот по длинному, извилистому коридору участники спектакля могут ходить беспрепятственно. Из зала никого к актерам не впустят. Они в полной безопасности, ни фанаты, ни пресса дальше порога не сунутся. За кулисы могут беспрепятственно проникнуть лишь члены семьи Верещагиных. Алла Константиновна и Мисси иногда забегали к нам, один раз появился хмурый молодой человек по имени Леня, единственный сын Филиппа Леонидовича. Ну и, конечно, я постоянно вижу Владимира Михайловича Корсакова, начальника местной охраны. Сейчас, похоже, никого нет, из-за дверей гримуборных не доносится никаких звуков. Хотя нет, пройдя вперед, я услышала сердитый голос Лаврова:

– И сколько мне ждать? Я задохнулся под пледом! Он вообще придет? Ну, вы даете! Сами накосячили, поэтому деньги я не верну! Свою часть выполнил, если не получилось – без претензий, я делал все, как договорились. Значит, отбой? Ладно, пойду поем.

Мне не хотелось сталкиваться с Лавровым, поэтому я бегом преодолела расстояние до склада, влетела в него без стука и крикнула:

– Ау, Фаячка, ты тут?

– Уже отдала всю кровь! – прозвучало в ответ. – Больше нету! Зачем тебе столько? Хватит!

Раздалось шуршание, из глубины помещения показалась худенькая фигурка и замерла у письменного стола.

– Вилка? Извини, я обозналась. У меня только отит прошел, до сих пор как сквозь вату слышу. Что ты хочешь?

– Дай, пожалуйста, пятновыводитель, – попросила я, – видишь, платье испачкала.

Фая юркнула налево, но, прежде чем кинуться исполнять мою просьбу, положила на стул кусок ткани в красно-синюю клетку. Я подошла и поняла: это брюки Карлсона с пристегнутым к ним поясом, за который цеплялся крюк троса.

Любопытство, как известно, губит кошек, а бедной Варваре на базаре нос оторвали, но я не могу справиться с некоторыми особенностями своего характера, поэтому взяла штаны и начала их внимательно рассматривать.

Дверь в комнату приоткрылась, в щель заглянула девочка лет шести, может, семи. У меня нет детей, поэтому возраст малышек я определяю с трудом. Может, девчушка уже ходит в школу? Не знаю, но она была одета, как кукла: розовое платье в оборочках и воланах, белые колготки, лаковые туфельки с завязками-лентами, которые туго стягивали ее лодыжки. Копна белокурых выющихся волос и очки в темной оправе, сидящие на крохотном носике, практически закрывали личико. Девочка прижимала к груди плюшевого мишку, ногти ее крохотных пальчиков покрывал яркий розовый лак. Похоже, крошка, как и я, не очень аккуратно ела пирожки, она тоже перепачкалась вареньем. Темно-красные пятна попали и на игрушки, и на праздничный наряд, и на маленькие руки. Вот личико оказалось чистым. Скорей всего, девчушка просто уронила на себя сладкую выпечку.

Увидев меня, она замерла на пороге. Я слегка удивилась, до сих пор за кулисами театра мне не встречались дети. Малышка, наверное, дочь кого-то из гостей, она дорого одета, причесана в недешевом салоне и не похожа на ребенка, которого работающая мать прихватила с собой на службу, потому что кроху не с кем оставить дома. У нее явно есть няньки-гувернантки-воспитатели.

– Милая, ты потерялась? – как можно ласковее спросила я. – Как тебя зовут?

Девочка ничего не ответила, затопала ногами, ее личико исказила злоба, ангелочек зашипел, развернулся и убежал. Едва закрылась дверь, как появилась Фаина. Она протянула мне баллончик.

– Держи, это смерть всем пятнам!

– Огромное спасибо, – обрадовалась я. – Сейчас сюда заглядывала малышка белокурая, кажется, она потерялась. Одного не пойму, как ребенок сюда попал, минуя охрану, которая зорко стережет вход? Это, случайно, не твоя родственница?

– Девочка?! – воскликнула Фаина. – В розовом платье? О боже! Нет! Только не она.

Фая, похоже, знакома с малышкой, и та не вызывает у нее положительных эмоций.

Глава 4

– Девочка, – повторяла Фаина. – Ужас! Страх! Жуть! Опять пришла! Мало ей Розы!

Странная реакция всегда приветливой женщины изумила меня. До сих пор Фая была спокойной, веселой, готовой поболтать на любую тему. У таких все ладится и на работе, и дома. Но сейчас Фаина была явно перепугана.

– Ты боишься детей? – спросила я.

– Н-нет, – выдавила из себя она, – но это не ребенок! Чудовище!

Услышав последнее заявление, я забеспокоилась. Понятно, Фаина заболела, у нее грипп или другая инфекция с высокой температурой и бредом. Сейчас схожу к Роману, попрошу его кликнуть врача.

Я сделала шаг к двери.

– Ты куда? – нервно спросила Фаина.

– Хочу позвать доктора, – откровенно призналась я.

Директор вцепилась в мое плечо.

– Нет. Даже не высовывайся. Ты умрешь! Хочешь, дам фильм посмотреть? Там про привидение снято. Жуть!

Я погладила спятившую тетку по руке и стала уговаривать:

– Фаечка, маленькая симпатичная девочка не может навредить людям. Похоже, ты подцепила вирус, весной по Москве всегда бродит грипп.

– Ты дура, – оборвала меня Фаина. – Роза-то умерла! Лучше спрятаться!

С этими словами Фая резко развернулась и умчалась в ряды стеллажей. Я машинально посмотрела на брюки Вересова, которые до сих пор комкала в руках, и вздрогнула.

Чтобы трос надежно держал Алексея, на парня надели специальный пояс темно-синего цвета. Широкий крепкий ремень был продет в пазы и практически сливался с брюками. Даже из первого ряда его нельзя было разглядеть. Чтобы актер не упал с высоты на сцену, крюк троса защелкивается за петлю, вшитую в него. Отлично помню, как, собираясь первый раз в полет, Алексей тщательно изучил «сбрую» и начал дергать петельку.

– Не волнуйся, – заверил артиста Михаил Степанович, рабочий сцены, бутафор и мастер на все руки. – Он сделан по спецзаказу, даже два бешеных быка его не разорвут.

– М-м-м, – протянул Вересов, – выглядит надежно, но я хочу сначала совершить бреющий полет, а уж потом парить орлом над Эверестом.

Михаил Степанович не стал спорить, наоборот, полностью одобрил ведущего программы «Сплетник».

– Правильно, безопасность превыше всего, давай застегну.

Рабочий облачил Лешу в костюм, приподнял парня на метровую высоту и, пока трос ехал из правой кулисы в левую, безостановочно говорил:

– Веревка сделана по нанотехнологии, она двадцатипрядильного плетения, из прочного полимера, крюк титановый с фиксатором застежки. Пояс выполнен из кожи носорога, крепче не бывает, прошит вручную нитками, покрытыми силиконом, петля вделана насмерть.

Уж не знаю, что сильнее действовало на Алексея, монотонный бубнеж Михаила Степановича или неспешное воздушное путешествие над сценой, но Вересаев разрешил поднять себя повыше, а на следующий день уже без опаски парил под потолком, крича нам:

– Вау! Круто! Смотрите все! Я ужас на крыльях ночи!

После каждого использования Михаил Степанович тщательно осматривал сбрую и, удовлетворенно крякнув, говорил:

– Немецкое качество! Ни одна нитка не надорвалась! Фирма гарантирует, она более ста лет всякие штуки-дрюки для циркачей делает. А кто заказал пояс? Михаил Степанович.

Откуда он про ремень узнал? Да по случаю. Выступала у нас труппа из Дю Солей, я и поинтересовался по-простому у воздушных акробатов, наши они, русские. «Не боитесь, ребята, под люстрой фортеля выделять?» А они: «У нас лонжа страховочная». Я засмеялся, тонюсенькая веревочка, напоминает бечевку. Несерьезная защита. Вот парни и рассказали мне про ту немецкую фирму, что за столетие ни одного артиста не подвела. Лучшая германская технология! Трос никогда не порвется.

Поскольку Михаил Степанович воспроизводил сей текст по десять раз на дню, я отлично его запомнила и мысленно повторяла, разглядывая сейчас пустое место, где следовало быть той самой петле. Конечно, я не криминалист, всего лишь автор детективных романов, но знаю, что нитки, порвавшиеся сами собой, имеют разлохмаченные края. А вот если воспользоваться ножницами, то срез получится ровным. И сейчас я вижу два растрепанных конца одной нитки, остальные будто разрезаны, идеально ровные. Но ведь так не бывает! И это подтверждение того, что страховку испортила чья-то злая рука. Ладно, даже у самой добропорядочной, много лет существующей на рынке фирмы может быть неудача, и одна из нитей, которые, на мой взгляд, более смахивают на прочно сплетенную тонкую веревочку, лопнет. Но здесь их раз, два, четыре, восемь... двадцать штук. Нет, ремень специально испортили. Кто-то хотел убить Алексея Вересаева и представить дело как несчастный случай. Покушение не удалось, но Леша в опасности, я непременно должна предупредить его. Прямо сейчас надо пойти к телеведущему!

Я вышла в коридор, добежала до Романа и спросила:

– Не видели Алексея Вересаева? – Секьюрити был почему-то красным и потным, а голос у него стал неожиданно хриплым.

– Он домой уехал. Видно, хорошо заработал, дал мне пригласительные на свои завтрашние съемки, сказал: «Рома, мы с вами за время репетиций вроде как подружились. Приходите в студию, буду рад, задам вам в эфире вопрос, станете звездой». Спасибо ему, внимание всегда приятно, но у меня теща в больнице, не до выступлений.

Я вспомнила, как Алексей прихлебывал из большого бокала вино, и не удержалась от замечания:

– Зря вы разрешили ведущему программы «Сплетник» пойти в гараж, он много выпил. Роман вытер лоб рукой и надулся.

– Он выглядел нормально, не шатался, говорил спокойно. Ну да, пахло от него слегка, так я ему не мать родная и не дорожный полицейский. Вересаев давно из детского сада вышел, сам за себя отвечает. Мне за его охрану не платят.

– Конечно, – поспешила я успокоить невесть почему разнервничавшегося парня. – Вы абсолютно правы, а где Борис?

– Вот кто набухался, – со злорадством доложил Виноградов. – Совсем до свинского вида, спит на диване, завтра очухается. А зачем вам режиссер? Представление окончено, можно и по домам. Эх, разреши мне начальство смыться, ни на секунду бы не задержался! Но нет, надо стоять тут до утра!

– Я хотела спросить у Бори телефон Вересаева, – пробормотала я.

– Что, понравился? – хмыкнул Виноградов.

Я сдвинула брови. Ну почему некоторые люди воспринимают вежливое общение как сигнал «можно хамить»? Разве я давала повод Роману для фамильярности или намекнула, что желаю вступить с ним в неформальные отношения?

– У Михаила Степановича номер Алексея есть, – вдруг сказал охранник, – у него спросите. Извините, я чего-то сегодня устал до чертиков. Не хотел вас обидеть.

Я коротко кивнула и пошла в самый узкий, темный коридор, в конце которого находится мастерская бутафора. Надеюсь, он еще на рабочем месте. И точно, он стоял у верстака.

– Зачем тебе Алексей? – поинтересовался дядя Миша.

– Поговорить надо, – обтекаемо ответила я.

– Он велел телефон никому не сообщать, – уперся мастер на все руки.

В театре Филиппа Леонидовича работает довольно много людей. Про Фаину я уже рассказывала, еще есть гримерша Карина, художник Макс Гаврилов, пара уборщиц, звукооператор, монтажники декораций и прочий люд. Зритель, предвкушая нескучный вечер, забывает или не предполагает, что актеры – лишь верхушка айсберга. В создании спектакля участвует большое число «невидимок», от работы которых зависит успех всего действия.

В театральной среде ходит огромное количество историй про разные казусы. Ну, например, о том, как во время исполнения пьесы «Изгнание из рая» бутафор то ли с пьяных глаз, то ли из желания отомстить актеру, исполняющему роль змея, в кульминационный момент подал ему не яблоко, а банан. Артист привычно схватил реквизит и понял, какой фрукт держит, лишь через пару секунд, уже произнося текст: «Так вкуси же от этого самого прекрасного плода на свете». Зычное ржание, донесшееся из полутемного зала, сорвало продолжение спектакля. Вот почему умные актеры никогда не ссорятся ни с гримером, ни с костюмером, ни с бутафором: «невидимки» могут отомстить, и кое-кто из них делает это с особой радостью и изобретательностью. Но Михаил Степанович никогда не совершит подлость, он милейший дед, готовый всегда прийти вам на помощь, очень позитивный и не по возрасту улыбочивый. Пенсионер не злится на весь свет, как многие старики. А еще он никогда не сплетничает и не выдает чужих тайн.

Я села на табуретку возле верстака.

– Дядя Миша, за завтрашний день я непременно найду номер Вересаева. Я не его фанатка, не намерена стоять с букетом у подъезда телезвезды, не журналистка, которая мечтает об эксклюзивных фото Алексея, и не собираюсь вешаться ему на шею с воплем: «Любимый, я вся твоя». Хочу предупредить его о грозящей ему опасности. Кто-то решил убить Вересаева. Первая попытка не удалась, значит, скоро последует вторая. Дай бог, чтобы ничего ужасного не случилось, пока я буду обзванивать знакомых, разыскивая мобильный Леши. Но вдруг наемный убийца поджидает его сейчас в подъезде дома?

Михаил Степанович полез в карман пиджака.

– Осторожно, вы чем-то испачкали рукав, – остановила я его, – очень похоже на кровь.

Рабочий замер, потом поднес руку к глазам.

– Ба! Это и есть кровь.

– Вы поранились! – испугалась я.

– Бутафорская, – улыбнулся Михаил Степанович. – Я брал у Фаины бутылку и капнул. Теперь придется чистить. Ладно, Фая справится!

Михаил Степанович снова полез в карман, выудил допотопный сотовый аппарат, потыкал пальцем в кнопки и отдал мобильный мне.

– Говори.

Я приложила трубку к уху и услышала:

– Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

Несколько следующих попыток тоже не увенчались успехом, и я забеспокоилась:

– Надо предупредить Филиппа Леонидовича, пусть он пошлет кого-нибудь на квартиру к Вересаеву. Вдруг я опоздала, и на Лешу напали, он сейчас лежит в подъезде без сознания или умирает один дома.

Дядя Миша потер рукой затылок.

– Может, он торопился на свидание. Любовь у Лешика, выключил парень телефон, не до звонков ему. С чего ты подумала про опасность?

Я рассказала Михаилу Степановичу про вырванную из пояса петлю.

– Надо пойти взглянуть, – спокойно произнес он, когда мой рассказ иссяк.

Мы неторопливо дошли до владений Фаины и обнаружили, что дверь заперта.

– Отправилась на боковую, – констатировал Михаил Степанович, – до завтра подождать придется.

– Можно взять ключ и войти на склад, – предложила я.

Дядя Миша потер ладонью ухо.

– Нехорошо без разрешения в чужой вотчине рыться! Неприлично это!

– Если ремень испортили нарочно, то нужно срочно приставить к Леше охрану, – воскликнула я, – но если вы, осмотрев пояс, придете к выводу, что петля оторвалась случайно, тогда можно спать спокойно. Как мы будем с вами себя чувствовать, узнав завтра о нападении на Вересаева этой ночью?

Михаил Степанович одернул пиджак и двинулся в другой коридор. Я поспешила за ним, отлично зная, куда он направился. В тупиковой части узкой галереи находится железный ящик, где висят запасные ключи от всех помещений. Двери его закрыты на электронные замки, но дядя Миша знает код доступа.

Михаил Степанович свернул налево, ковровая дорожка закончилась, дальше пол был покрыт белой блестящей плиткой. Мне показалось, что она мокрая, и я притормозила, боясь поскользнуться, а дядя Миша размашистыми шагами двигался вперед. За ним тянулись небольшие темно-синие пятнышки. Я улыбнулась. Ну надо же, бутафор, как и мой Юра, польстился на обувь якобы солидной фирмы. Смотрятся ботинки прекрасно, но при ходьбе от подошв отваливается верхний слой, они не из натуральной кожи, а из прессованных кусочков-обрезков.

– Отвернись, – приказал он, когда мы очутились на месте.

Я покорно встала спиной к шкафчику, услышала тихое попискивание и посмотрела вниз, взгляд наткнулся на круглый предмет. Я подняла розовую искусственную жемчужину и сказала:

– Девочка! Она тут пробежала!

Глава 5

– Припевочка-красавица, – протянул дядя Миша, звеня ключами, – ты о ком болтаешь?

– Фаина боится детей, – выпалила я.

– Не пори чужь, – остановил меня он, – Фая никогда ребенка не обидит.

– Я о страхе, – уточнила я, – она даже разговаривать не смогла! Аж затряслась вся!

Михаил Степанович закрыл шкаф.

– Фая никогда не пугается. С чего бы ей паниковать?

Я тут же рассказала про малышку в розовом платье. Вообще говоря, я ожидала, что дядя Миша засмеется и скажет что-то вроде: «Ох уж эти бабы! Вечно чудят». Но он отреагировал странно.

– О Господи! А ну, пошли.

– Куда? – удивилась я. – Там тупик.

Михаил Степанович молча схватил меня за руку, подтянул к стене, оклеенной дорогими обоями, имитирующими шелк, ткнул пальцем в золотой орнамент, и панель разъехалась.

– Лифт! – ахнула я.

Дядя Миша впихнул меня в кабину, нажал на кнопку, лифт медленно пополз вниз. Оцените мое удивление: сначала я узнала про подъемник, а теперь поняла, что в театре есть подвальное помещение.

Вскоре мы очутились в коридоре. Пол покрывала обычная плитка, а стены были выкрашены в цвет морской волны. И в комнате, куда меня привел Михаил Степанович, доминировал тот же оттенок.

– Садись, – приказал рабочий, показывая на большое кресло. – Чаю хочешь?

– Нет, наелась на банкете, – ответила я, удобно устраиваясь.

Дядя Миша выудил из кармана допотопный мобильник и сказал в него:

– Зайди немедленно.

– Я понятия не имела, что тут есть жилые помещения, – воскликнула я, когда Михаил Степанович бросил трубку на диван.

– Это моя квартира, – объяснил рабочий. – Две комнаты, спальня и гостиная, плюс санузел, кухня с чайником, кофе-машиной, холодильником и СВЧ-печкой. Можно готовить, да зачем? Я у хозяина кормлюсь. Не жизнь, а малина, на всем готовом.

Дверь в квартиру распахнулась без стука, в комнату вошел Владимир Михайлович Корсаков, начальник охраны Филиппа Леонидовича. Я неоднократно виделась с этим безукоризненно одетым и подчеркнуто вежливым человеком, он всегда находится за спиной у хозяина, и, судя по тому, как Верещагин общается с Корсаковым, это не просто служащий на окладе, а некто более близкий. Когда Филипп Леонидович присутствовал на генеральном прогоне спектакля, он спросил у Владимира:

– Ну и как тебе?

– Нормально, – ответил Корсаков, – но, думаю, лучше, если Колобок все же будет говорить какие-то слова, иначе зритель не поймет, по какой причине он спешит к Бабе Яге.

Верещагин повернулся ко мне.

– Виола Ленинидовна, сколько вам потребуется времени для вставки в пьесу?

– Полчаса, – пообещала я, – если я правильно поняла, нет необходимости в пространном монологе.

– Отлично! – обрадовался Корсаков. – Вас охарактеризовали как крепкого профессионала, но забыли сказать, что у прозаика Арины Виоловой покладистый характер. Нам с вами повезло, правда, Филипп Леонидович?

– Абсолютно согласен, – улыбнулся шеф, – до сих пор все писатели, с которыми мы имели дело, яростно отстаивали свои варианты пьесы. А с вами очень легко. Не согласитесь ли еще писать для моего театра? Нам нравятся талантливые люди, способные идти на компромисс. Верно, Володя?

Понимаете теперь, почему я решила, что Корсакова и Верещагина связывают дружеские узы? С простым секьюрити хозяин так обходиться не станет.

– Привет, папа, – сказал главный охранник. – Надеюсь, не случилось ничего неприятного?

Я изо всех сил постаралась не выдать своего изумления. Начальник охраны – сын дяди Миши? Сегодня у меня день открытий.

Михаил Степанович сел на диван.

– Она видела девочку. В розовом платье. За кулисами.

Владимир щелкнул языком.

– Живую?

Я не поняла вопроса.

– В смысле?

– Ребенок был настоящим? – уточнил Корсаков, чем еще сильнее озадачил меня.

– Мертвые дети не разгуливают по дому, – ответила я.

– Кое-кто может с тобой поспорить, – встрял Михаил Степанович.

– Может, показалось? – прищурился Владимир.

Последний вопрос адресовался мне, я рассердилась.

– Я не подвержена галлюцинациям. И, кстати, вот искусственная жемчужина, лежала в коридоре. Точь-в-точь такие украшали платье ребенка.

Владимир взял розовый шарик.

– За кулисами можно найти всякую ерунду, с костюмов падают перья, блески.

– Девочка была, – категорично сказала я, – белокурая, в очках с нелепо большой, не подходящей для крохотного детского личика оправой.

Корсаков посмотрел на отца, тот потер ладонью ухо.

– Виола Ленинидовна, – сладким голосом пропел начальник охраны, – вы встретили... э... Машу, дочь одного из наших сотрудников, он живет тут, за стеной. Как вы уже поняли, в доме господина Верещагина есть цоколь с квартирами для некоторых работников. Основная их масса проживает в городе и понятия не имеет, что в особняке не три этажа, а четыре. Не то чтобы мы скрывали данный факт, просто нет необходимости трубить на весь свет об особо преданных Филиппу Леонидовичу людях.

– Таких, как ваш отец, – кивнула я.

– Верно, – согласился Владимир, – Таня девочка...

– Маша, – перебила я, – вы спутали имя, секунду назад назвали малышку Марией. А где живет Фаина? Из некоторых разговоров я поняла, что директор театра служит у Верещагина с момента его основания?

– В соседней квартире, – ответил дядя Миша, – небось сейчас почти в обмороке от ужаса лежит.

– Папа! – предостерегающе произнес Корсаков.

– Вспомни ее характеристику, – отмахнулся рабочий, – лучше ввести Виолу в курс дела, иначе она начнет активные действия, будет всех расспрашивать.

Я уставилась на Михаила Степановича.

– Мою характеристику?

– Нечему удивляться, – без всякой сладости в голосе произнес начальник охраны, – разве можно впустить в дом человека и не навести о нем самые подробные справки?

– Если Фаина проживает в цоколе, то она великолепно знакома с Машей-Таней, – продолжала я, – по какой причине тогда ей пугаться? Ну забрела шаловливая девчушка куда не следует, и что? Фаине следовало позвать родителей малышки, но она испытала ужас. А вы сейчас нервничаете и пытаетесь меня обмануть. По правде говоря, у вас это плохо получается.

– Заноза, – покачал головой дядя Миша, – сказал тебе, с ней лучше откровенно, меньше неприятностей получим.

– Ладно, – вздохнул Владимир, – я все расскажу.

– С удовольствием послушаю, – улыбнулась я, – надеюсь, ваша история не из области фантастики, и, предупреждаю, я сразу замечаю нестыковки.

– Никакой лжи, одна правда, – заверил охранник.

Дом, в котором живет Верещагин, расположен в историческом центре Москвы. Как это ни странно, в столице России еще сохранились тихие кривые переулки, без магазинов, кафе и толп народа. Михаил Степанович купил усадьбу дворянина Кирилла Волынского. Это не одно здание, а целый комплекс, который растянулся на небольшой улочке. Центральный особняк имеет флигель, отдельно стоящие каретную, конюшню и помещение для многочисленной прислуги. Кроме того, ансамбль включает просторный двор-сад, беседку и баню.

После большевистского переворота тысяча девятьсот семнадцатого года Волынский ухитрился сбежать в Париж, а его московская недвижимость стала медленно ветшать. Она не представляет собой большой исторической ценности, возводилась неизвестным архитектором. Кирилл не писал книг или картин, не сочинял музыку, не был ученым. Просто богатый барин, и все. Поэтому советское государство не стало сохранять его бывшую городскую усадьбу. Сначала в ней открыли школу, потом какую-то контору, после войны переоборудовали помещение под детский дом, а лет пятнадцать назад случился пожар, и на месте усадьбы Волынского образовалось пепелище, которое и купил Верещагин и отстроил все заново.

Сейчас проезд по переулку закрыт, с двух сторон установлены шлагбаумы с охраной. В основном доме живет семья Филиппа Леонидовича, на месте флигеля домашний театр, каретная трансформировалась в гараж, в бане часто парятся гости, а во дворе работают фонтаны, украшенные фигурами, некогда привезенными по приказу Волынских из Италии и чудом пережившими все пертурбации. У обителю Верещагина есть легенда. Якобы в последней трети восемнадцатого века, когда очередной Волынский возвел особняк, одна из его любовниц родила девочку, названную Феклой. Появление на свет внебрачного чада в те времена не считалось зазорным. Бастардов, как правило, отнимали у матерей и отдавали на воспитание в простые семьи, назначали им денежное содержание и забывали о никому не нужных отпрысках. Но Волынский неожиданно полюбил Феклу, приблизил ее к себе, поселил в доме и стал обучать наравне с детьми от законного брака, что очень не понравилось его жене. Та терпела странную прихоть мужа, спорить в таких случаях дамы тогда остерегались, но зато умели кардинально решать назревшие проблемы.

Когда Фекле исполнилось семь лет, она заболела и умерла. В те годы детская смертность была велика, антибиотиков еще не изобрели, и на тот свет ребенка могла унести любая инфекция. Ничего особенного не произошло, но дворян начала перешептываться.

Спустя полгода умерла Волынская, она оцарапала палец о ржавый гвоздь, случилось заражение крови, или, как тогда говорили, «антонов огонь». В день похорон хозяйки кухарка Анюта впала в истерику и рассказала, что встретила в коридоре барского дома привидение Феклуши. Девочка была ну прямо как живая: одета в розовое платье, в котором ее хоронили, и с игрушкой, тряпичным мишкой. Анюта перепугалась и хотела убежать, но призрак кинулся к стряпухе и сказал:

– Отравили меня, подлили в суп яду. Добрый боженька барыню наказал. Гореть ей вечно в аду. А я теперь стану появляться тогда, когда кому-нибудь суждено умереть.

Через год Феклуша материализовалась в комнате Натальи, старшей дочери Волынских, и та скончалась от лихорадки. Затем умерли Петр и Павел, сыновья Волынского, и его младшая сестра Софья. В течение столетия неожиданные смерти в семье случались периодически. И всегда перед тем, как в гостиной ставили гроб, по особняку разгуливали Фекла.

В 20-х годах двадцатого века, когда здание уже функционировало как школа, в своем кабинете скоропостижно скончался ее директор. За пару дней до беды видели в коридоре маленькую девочку в розовом платье. Революция не напугала Феклушу, привидение осталось в родных стенах. Оно является обитателям дома, и всегда очень скоро следует чья-то кончина.

Владимир перевел дух и посмотрел на меня.

– Красивая, но не оригинальная сказка, – оценила я по достоинству услышанное. – Привидения, разгуливающие по замкам, – ходульный сюжет, не счесть книг и кинофильмов на эту тему. Вспомним Оскара Уайльда и его новеллу «Кентервильское привидение», Александра Пушкина и пьесу «Каменный гость», «Гамлета» Шекспира, «Одиссею» Гомера, телесериалы «Секретные материалы», «Полтергейст», «Пси Фактор».

– Читать не люблю, – отрезал Корсаков, – кино смотреть у меня времени нет. Историю про Феклу по глупости рассказала риелтор, которая оформляла покупку недвижимости. Филипп Леонидович посмеялся, а вот Алла Константиновна, его супруга, забеспокоилась и сказала:

– Не хочу жить в доме с плохой историей.

Верещагин начал уговаривать супругу:

– Усадьба Волынского сгорела, мы приобретаем землю, где построим новое здание.

Алла Константиновна не вняла логике, и Верещагины поругались. В конце концов Филипп Леонидович стукнул кулаком по столу и произнес сакраментальную фразу:

– Кто в доме хозяин!

Жена притихла, но через неделю она привела к супругу мужичонку весьма потасканного вида и сказала:

– Познакомься, уфолог Семен Маркин. Сеня, расскажите Филиппу о результате исследований.

Поеденный молью мужичок открыл сильно потертый, облезлый чемоданчик, явил пред очи Верещагина некий прибор со стрелками, делениями, кнопками и занудил про карму местности, отрицательную ментальность, потусторонние сущности и прочий бред.

– Короче! – потребовал Верещагин. – Сообщите суть дела.

– На обследованной мною территории явно просматриваются температурные аномалии, что свидетельствует о положительной реакции на существование паранормальной активности и присутствие сгустков думающей материи, существующей в виде создания, способного принимать форму ребенка, – заявил уфолог.

– Вот видишь! – торжествующе воскликнула Алла Константиновна. – Не стоило нам покупать эту землю.

Филипп Леонидович умеет принимать жесткие решения. Он схватил «ученого» за шкирку и вытолкнул его вон. Чемоданчик с аппаратурой отправился в окно, а жене было сказано:

– Не нравится? Уезжай в Швейцарию и живи там среди тучных местных коров в золотых ошейниках.

Алла знала крутой нрав Филиппа, поэтому попросила прощения и более бесед про Феклу не заводила. Верещагин возвел дом, семья жила счастливо до прошлого года, когда не скончалась Роза, одна из дочерей Верещагиных. За день до несчастья Алла Константиновна видела в маленькой гостиной девочку, одетую в розовое платье, очаровательную блондиночку с завитыми кудрями и в очках.

Глава 6

– Вероятно, Алле Константиновне почудилось привидение, – пробормотала я, – хозяйка была уверена, что оно существует, рано или поздно покажется, и призрак не замедлил явиться.

– Роза умерла, – напомнил Михаил Степанович.

– Что с ней случилось? – тут же спросила я.

– У нее было больное сердце, – вступил в беседу Владимир, – и проблема с сосудами. Я не врач, детально объяснить не сумею. Но медэксперт после вскрытия дал заключение о ненасильственной смерти. Инфаркт.

– В юном возрасте? – усомнилась я.

Корсаков насупился.

– Я и сам отреагировал, как вы. Но потом узнал: это случается порой и с молодыми. Прозектор написал в заключении, что, судя по состоянию внутренних органов, Розе можно было дать семьдесят лет.

– Не повезло ей, – вздохнул Михаил Степанович.

– Гибель юной девушки от инфаркта мало назвать невезением, – буркнула я.

– Не о Розе говорю, – уточнил рабочий, – а о хозяйке.

– Папа! – предостерегающе произнес Владимир.

– Ну, Виола все равно от кого-нибудь услышит, ты сам говорил, Филипп Леонидович хочет ей и дальше пьесы заказывать, – не успокоился старший Корсаков. – У Верещагиных с детьми беда, двое очень больные родились. Леня с почками мучился, ему пересадку сделали.

– Сын Филиппа Леонидовича долго болел, – дополнил Владимир, – в конце концов потребовался донорский орган. Почку для Лени искали по всему свету. Снова скажу, я не врач, не объясню, почему все доноры ему не подходили. Леонид регулярно ложился на диализ. Тяжелая процедура, я парня сопровождал в клинику, страх смотреть на него было. Алла Константиновна перед операцией почти во всех московских церквях молебны заказала, хотя она не очень религиозна. Да, видно, порой ни на кого, кроме бога, уповать не приходится.

– Я думал, что Леня умрет, – признался Михаил Степанович. – Он жутко выглядел, тощий и опухший.

– Руки-ноги, как палочки, лицо одутловатое, глаза заплывшие, – передернулся Владимир, – еле-еле передвигался. На Филиппе Леонидовиче лица не было, он понимал, что сыну считанные недели остались, а почки все нет!

– Вот как! – зацокал языком Михаил Степанович. – Хозяин был готов за здоровый орган состояние отдать, а он никак не находился.

– И вдруг удача! – перебил отца Владимир. – В час ночи из клиники позвонили, приезжайте, мол, скорей, есть донор, молодой, здоровый, погиб случайно.

– В драке, – добавил Михаил Степанович. – Ну, словно близнец Лени, по всем параметрам совпал.

– Доктор даже спросил: «Не ваш ли родственник? Впервые такое поразительное сходство встречаю», – улыбнулся Владимир. – Сейчас Леня в порядке. Ему придется пожизненно принимать лекарства, но это после диализа детская забава.

Я вспомнила обещание, данное Рише, хранить тайну про то, что рок-звезда Ванесса ее родственница, и воскликнула:

– Я думала, у Верещагина две дочери, Мисси работает с отцом, младшая – Риша.

Владимир Михайлович кивнул.

– О Розе в доме не говорят, слишком больно. Леонид наверстывает упущенное, он ранее из-за болезни не мог получить высшее образование. Почку парню пересадили не так давно, сейчас он студент.

- У Верещагиных много детей. Алла Константиновна просто героиня, – восхитилась я.
- Дети – это счастье, – воскликнул дядя Миша.

Владимир оперся ладонями о колени.

– Виола, я понятия не имею, откуда в театре взялась девочка, что, конечно, отрицательно характеризует меня как профессионала. Ума не приложу, как она попала в хорошо охраняемые служебные помещения. Может, вам почудилось?

– Малышка стояла передо мной, – твердо сказала я. – Не пью, не курю травку, не нюхаю волшебные порошки, не глотаю стимуляторы, не балуюсь грибами! Это не глюк! Что косвенно подтверждают очки на носу у крошки. Зачем они призраку? Пожалуйста, не говорите, что «энергетические сущности» расхаживают по земле в своих обычных одеяниях, как правило, в том, в чем их хоронили. Я сильно сомневаюсь, что в восемнадцатом веке для детей производили монокли, пенсне и иже с ними.

Владимир встал.

– Абсолютно с вами согласен. Привидений не бывает. Девочка вполне живая, вероятно, дочь кого-то из гостей, мы это проверим. Но вы, пожалуйста, не болтайте, иначе в доме начнется паника. Прислуга у нас суеверная, легенду все знают, Алла Константиновна занервничает. И я не исключаю варианта, что некто, знающий легенду, решил напугать семью, ребенка нарочно заставляют ходить по дому.

– Возьмите пленки с камеры видеонаблюдения, которая висит над центральным входом, – посоветовала я, – приглашенные шли через главные двери. Сразу увидите, чья дочка носилась за кулисами. Если пообещаете ангелочку подарок, она расскажет, как миновала охрану. Будем надеяться, что вы имеете дело с простым казусом, а не с чьим-то злым умыслом.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил меня начальник охраны, – еще раз прошу: учитывая психическое состояние Аллы Константиновны и глупость услуги, не рассказывайте никому о дурацком происшествии. Я осведомлен о том, что вы не раз принимали участие в расследованиях, под псевдонимом Арина Виолова вы потом рассказываете о них, и я в курсе: вы умеете хранить тайны. Вы не болтливый, надежный человек, отнюдь не сплетница. Очень надеюсь, что эта история не уйдет дальше этой комнаты.

– Не люблю распускать язык, но про крошку известно еще Фаине, – напомнила я.

– С ней проблем нет и не будет, – быстро заверил Владимир и вынул из кармана пиджака зазвевший телефон. – Да, да. Где? Ничего не трогайте! Бегу!

– Что случилось? – испугался Михаил Степанович.

Владимир выскочил за дверь, мы с рабочим бросились за ним.

– Оставайтесь дома, – сердито приказал Корсаков, входя в лифт.

Дядя Миша послушно замер в коридоре, а я шмыгнула в подъемник и смело нажала на кнопку с цифрой «один».

– Я не живу в цоколе, мое место наверху. Вполне вероятно, что пригожусь вам.

– Нет, – отрезал Владимир, – отстаньте.

– У вас трясется подбородок, – отметила я. – Все так серьезно? Понадобится вызвать милицию? Могу позвонить следователю Юрию Шумакову. Вы изучали мою биографию и знаете, кем он мне приходится. Ради меня Юра придет. Лучше иметь дело с ним, чем с посторонним человеком.

Корсаков вышел из лифта, я юркнула за ним. Начальник охраны быстро прошел в коридор, а я повернула налево, увидела бледного до синевы Романа и тут же бросилась к нему.

– Тебе плохо?

– Тошнит, – прошептал охранник. – Вида крови не переносу, ужасное зрелище и пахнет противно! У вас не найдется платка?

Я сунула секьюрити бумажную салфетку, тот начал судорожно протирать лицо.

– Где кровь? Отвечай немедленно, – потребовала я.

Роман прислонился к стене.

– Воды! Господи! Неужели правда? Это была она?

– Ступай в туалет, попей из-под крана, – посоветовала я.

Роман, держась одной рукой за лоб, а другой за горло, побрел в сторону сортира. На стене позади конторки, возле которой положено стоять охраннику, затрезвонил телефон без диска. Я схватила трубку, но не успела произнести ни звука.

– Немедленно сюда, – приказал Владимир.

Я постаралась понизить голос до максимума и хриплым басом спросила:

– Куда?

– О...ел? В девятую, – гаркнул Корсаков, – живей!

Я помчалась по широкой галерее и через пару мгновений влетела в большую комнату, застланную белым паласом. Взгляд зацепился за две маленькие ступни, обутые в дорогие туфли на шпильке, затем я увидела красное платье с золотым поясом и небольшим декольте, бриллиантовое кольцо на шее, обнаженные руки... Тело лежало на ковре, вытянувшись в струнку, лицо прикрывала белая салфетка, сдернутая с подноса, который стоял на длинной консоли. Девушка явно собиралась поужинать и не успела. Наверное, она хотела начать со сладкого, потому что круглая тарелка со вторым блюдом была прикрыта блестящей крышкой из нержавеющей стали, салат мирно зеленел в фарфоровой мисочке, а вот маленькое блюдечко валялось на ковре, чуть поодаль лежал надкушенный эклер, покрытый шоколадной глазурью. Мне стало понятно, что лицо Ириши сильно изуродовано, салфетка пропиталась с правой стороны кровью.

– Риша! – выдохнула я и села на корточки. – О господи!

В нос ударил запах духов. Ландыш и фиалка. Я зажала нос рукой: не хватало только сейчас чихнуть.

Владимир выругался.

– Какого хрена! Где Роман?

– Охраннику плохо, – тихо ответила я, – он в туалете. Господин Корсаков, лучше ничего не трогать, иначе потом эксперт с ума сойдет!

– Никаких ментов здесь не будет, – гаркнул начальник местных стражников. – Проваливай отсюда! Живо! Чтоб глаза мои твою писательскую морду больше в нашем доме не видели. Хотя стой!

Корсаков вскочил, приблизился ко мне, живо пошарил руками по платью и буркнул себе под нос:

– Вроде ничего не сфоткала. Давай мобилу!

Я протянула ему сотовый, Владимир кинул трубку на ковер, раздавил ботинком и заявил:

– Теперь вали! И даже не думай разинуть пасть! Иначе с тобой будет как с ним!

Владимир указал на руины моего сотового. Я повернулась и пошла на выход. Вас удивляет, что я удалилась без предъявления претензий и без скандала? Заводить свару у трупа девушки показалось мне кощунством. А еще мне стало понятно: бравый, внешне уверенный в себе Владимир Михайлович хоть и занимает высокую должность, но впервые в жизни увидел жертву преступления. Корсаков не из бывших следователей или оперативников. Профессиональные навыки никогда не умирают. Ни один, даже столетний, давно не выезжающий на место преступления пенсионер, некогда сотрудник убойного отдела, не станет трогать руками без перчаток тело и затапывать комнату, в которой совершено убийство. Владимир почти не владел собой, он не адекватен, и мой телефон пал жертвой его стресса. Корсаков понятия не имеет, что в потайном кармане моей сумки лежит еще один аппарат. Я часто теряю мобильные и всегда ношу пару штук. Если лишусь одного, включу второй.

За спиной послышался шум. Я оглянулась, начальника охраны рвало на ковер. Стало понятно: уйти вот так, бросив в гримерке останки несчастной Риши и обезумевшего Корсакова, нельзя.

Я выглянула в коридор и крикнула:

– Рома! Ты уже напился? Иди сюда срочно!

Секьюрити, по-прежнему бледный до синевы, явился на зов.

– Встань у двери, – приказала я, – никого сюда не впускай без моего разрешения.

– Иес, – кивнул парень.

– Скажи номер телефона Филиппа Леонидовича, – потребовала я.

– Я его не знаю, – испуганно ответил Роман.

– Тогда позови Михаила Степановича, – велела я.

Отец Владимира появился через пять минут. Я к тому времени уже успела побеседовать с Шумаковым и вкратце описать ситуацию.

Старший Корсаков был шокирован известием о кончине Ириши, но должным образом отреагировать не успел, потому что из коридора быстрым шагом вырулил Филипп Леонидович и спокойно спросил:

– Ну? В доме полно гостей, я не могу надолго отлучаться.

Михаил Степанович сказал:

– Главное, не нервничайте.

Хозяин потерял улыбку и посмотрел на меня.

– Что-то произошло?

Я кивнула. Филипп Леонидович сделал шаг к двери, мне пришлось схватить его за рукав пиджака.

– Вам лучше не входить в гримерку.

– Я сам решу, как мне поступить, – отрезал Филипп и попытался стряхнуть мою руку.

Но я вцепилась в рукав изо всех сил.

– Уважаю ваши права и никогда бы не осмелилась руководить умным человеком, но вам туда нельзя. По разным причинам.

Верещагин потянулся к двери, я выдернула из кармана носовой платок.

– Хотя бы оберните руку и не ходите по комнате.

Филипп Леонидович неожиданно послушался, замотал ладонь бумажной салфеткой, распахнул дверь и замер на пороге. Владимир стоял, привалившись к стене, в гримерке отвратительно пахло.

– Дядя Миша, открой окно, проветрить надо, – вроде спокойным голосом вымолвил Филипп.

– Нет, – решительно возразила я, – нельзя. Необходимо увести отсюда Корсакова, запечатать уборную, выставить около нее охрану и ждать приезда спецбригады.

– Никаких ментов, – отрезал Филипп Леонидович, – сами разберемся.

– При всем уважении к вам, это не получится, – сказала я, – ваша служба безопасности не имеет права заниматься убийством. Я взяла на себя смелость, вызвала майора Юрия Шумакова, вы можете рассчитывать на его деликатность и умение держать язык за зубами.

Верещагин быстро сориентировался.

– Хорошо. Дядя Миша, оставайся здесь. Стой снаружи, никого не впускай. Володя!

Корсаков вздрогнул.

– Ступай, прими душ, почисти зубы, переоденься и иди в маленький кабинет, – распорядился шеф. – Роман, ты дежуришь у общих дверей. Всех заворачиваешь!

– Простите, можно вопрос? – робко заикнулся парень.

– Ну, – нахмурился Верещагин.

– В гримерках находятся вещи, – тихо произнес охранник, – артисты веселятся в зале. Что делать, если они захотят шмотье забрать и домой податься?

– Ни один человек не должен попасть в служебное помещение, – чуть повысил голос Верещагин.

– Понял, – кивнул Роман.

– И Муркин, и Марфа, и Катя Франк, и Павел Лавров будут спорить с охраной, если она попытается их притормозить, – сказала я, – еще есть Елена Минская, девушка, которая сидела в ложе. Будет лучше, если Рома вежливо им скажет: «Прошу простить, но Филипп Леонидович настоятельно просил никому пока не уезжать и не заглядывать в гримуборные. Для вас готовят совершенно особенный сюрприз, хозяин задумал по полной программе отблагодарить актеров, вызвал сюда из дома старшего бухгалтера». Последнее у большинства людей ассоциируется с наличными деньгами.

– Мыслишь в верном направлении, – похвалил меня Филипп Леонидович. – Роман, запомнил? Да, Минской нет, я ее сразу домой отправил, чтобы тут не отсвечивала!

– Иес! – гаркнул охранник. – Донесу до их сознания: актерам хотят премию вручить, типа тысячи отсчитывают и по конвертам раскладывают.

Михаил Степанович похлопал парня по спине.

– Молодец. Двигай на пост.

Филипп Леонидович посмотрел на меня.

– Кто из исполнителей может устроить скандал?

– Все, – без колебания ответила я.

– Расставь их по степени вредности, – потребовал Филипп.

– Муркин, Марфа, Катя, Лавров, – ответила я. – Минскую я не знаю, видела ее лишь издали, но вы сказали, что ее уже нет. Борис мертвецки пьян, он спит, думаю, не очнется до утра.

– За кулисы посторонние не допускаются, – протянул хозяин, – кроме того, у входа выставлена охрана. Следовательно, круг лиц, которые могли сюда проникнуть, резко сужается. Актеры и работники театра.

– Есть лифт, – напомнила я, – тот, что возит жильцов дома вниз.

Михаил Степанович откашлялся.

– Нас всего двое, там моя квартира и апартаменты Фаины. Подъемником может воспользоваться только человек, имеющий ключ-карту, вот она!

Я посмотрела на пластиковый прямоугольник, который рабочий достал из нагрудного кармана пиджака, и спросила:

– Но ведь девочка как-то проникла на строго охраняемую территорию? Значит, и взрослый мог пробраться.

Глава 7

– Какая еще девочка? – раздраженно поинтересовался хозяин.

Я перечислила приметы ребенка.

– Маленькая, в розовом платье, с плюшевым мишкой в руках и массивных очках на носу.

– В очках? – со странным выражением лица переспросил Верещагин.

– Ерунда, – слишком бойко заявил Михаил Степанович. – Вероятно, Виола увидела Суок.

На этот раз изумилась я.

– Суок? Кукла наследника? Игрушка, сделанная по образу и подобию живой девочки?

Главная героиня романа Юрия Олеши «Три толстяка»?

Дядя Миша кивнул.

– Да. Я только что сообразил, в чем дело. Мы ставили спектакль по этой книге года два назад и никак не могли подобрать кандидатку на роль Суок. Похоже, амплу травести, взрослых актрис, которые изображают ребенка, умерло. Сейчас слово «травести» употребляют в значении транссексуал. Ни одна актриса не годилась, все фальшивили и переигрывали. Тогда Борис, а он у нас постоянно ставит спектакли, придумал интересный ход, на заводе заказали полую ляльку. Внутри поместилась худенькая мелкая актрисулька, получилась замечательная Суок.

На лице Филиппа Леонидовича промелькнуло выражение облегчения.

– Точно! Реквизит где-то на складе.

– Суок вытащили, влезли в нее и теперь расхаживают по дому! – закончил Михаил Степанович.

– Это могло быть, – согласился Верещагин. – И кто сей идиот? Шутничок фигов! Поймаю, голову оторву!

Я возразила:

– Ну нет! На куклу ребенок совсем не походил. Филипп Леонидович, правильно ли я поняла, что сюда имеет доступ лишь ограниченный круг людей?

Верещагин моргнул раз, другой, третий, но в конце концов соизволил ответить:

– Так.

Я начала загибать пальцы на руке.

– Михаил Степанович, Фаина, Владимир, Роман – это сотрудники, которые остались после представления. Еще сюда в любое время могли заглянуть артисты и режиссер. Участники пьесы веселятся на банкете, их вещи пока лежат в гримерках. Рома, подойди-ка!

Охранник с топотом принеся на мой зов. Поскольку Филипп Леонидович молчал, я рискнула задать охраннику вопрос:

– Кто входил за кулисы после того, как начался фуршет?

Секьюрити смутился.

– Все, кому не лень, постоянно туда-сюда шмыгали.

– Сосредоточься, – приказала я, – меня интересует отрезок времени от девяти до десяти.

– Почему? – неожиданно спросил Верещагин.

Я решила оставить вопрос хозяина дома без внимания, не хотелось лишний раз напоминать ему о смерти дочери. Спектакль завершился в двадцать часов пятьдесят пять минут. Актеры гурьбой отправились разгримировываться, Риша в их числе, следовательно, ее лишили жизни в промежуток с девяти до десяти вечера. Отлично помню, что в тот момент, когда начальнику охраны позвонили с сообщением о несчастье, настенные часы в гостиной его отца показывали десять минут одиннадцатого.

Роман выпучил глаза.

– Э... э... сначала они все бегали по коридорам, затем умелись на банкет. Вересаев вернулся, забыл сигареты. Муркин приходил за телефоном, он его где-то оставил, очень злился,

прямо шипел, как сковородка с котлетами, на меня налетел с криком: «Куда подевался мой сотовый?» А я откуда знаю? Так ему и сказал:

– Стою у двери, что у кого в комнатах лежит, не вижу.

И тут он давай материться. Не ожидал я от Петра Аркадьевича, очень удивился. Короче, оборал он меня и ушел. Потом вернулся и говорит:

– Парень, извини, вот мобила, я оставил ее внизу на подоконнике. Хрен с ней, с трубкой, но в ней номера телефонов таких людей, например, личный мобильный нашего президента, он мой фанат. Понимаешь, что произойдет, если сотовый в чужие руки попадет?

Несмотря на серьезность ситуации, мне стало смешно. Ай да Муркин! Звезда телесериалов решила произвести неизгладимое впечатление на простого, не очень образованного охранника. Личный номер первого лица государства! Ну прямо вижу, как Петр открывает контакты, а там написано «Президент»! Лично я, натолкнувшись на подобную запись в чужом сотовом, подумала бы, что речь идет о сыре, об отеле или о постельном белье фирмы с одноименным названием.

– Ермолова раз десять проскакала, – продолжал Роман, – то ей шарф понадобился, то она туфли поменяла, то подкрашивалась. Катерина Франк переодевалась, сначала спустилась вниз в мини-платье, золотистом, а затем вернулась и в зеленом к выходу порулила. Я ей сказал: «Желтое лучше, блестит красиво». А она ответила: «Я как дура в коротком, остальные в вечерних нарядах. Всегда на мероприятие несколько вариантов прихватываю, чтобы кретинкой не выглядеть, а то потом читаешь журналы-газеты и расстраиваешься. Папарацци, гадюки, если ты эффектно одета, никогда не сфотографируют. А вот заметят в неудачном прикиде и мигом камеры наточат, потом читай про себя: «Франк похожа на бочку в пайетках».

Мне снова стало смешно. Катерина, похоже, близкая родственница Петра Аркадьевича. Муркин ходит, прижимая к сердцу мобильный с личным номером нашего «намбер уан», а на Франк открыли охоту журналисты. В действительности за спиной у Катерины пара ролей в молодежных сериалах. Интерес прессы к ней не особенно велик, да и нет в гостях у Верещагина папарацци, здесь всего несколько прикормленных представителей «глянца», от которых нечего ждать засады.

Роман откашлялся и продолжил:

– Лавров безостановочно в туалет носился, похоже, у него с желудком беда.

– Значит, все артисты заглядывали в служебное помещение после начала банкета, – резюмировала я.

Охранник кивнул:

– По многу раз. Только Михаил Степанович и Фаина не появлялись. Может, они к себе спускались на лифте, но я за ними не гляжу, потому что они свои, ну почти как хозяева. Им можно в личные покои Верещагина заходить.

– А члены семьи? – не успокаивалась я.

Роман смущенно кашлянул.

– Они тоже были. Алла Константиновна, Леонид Филиппович, Филипп Леонидович, еще Владимир Михайлович. Я на них внимания не обращаю, не запоминаю, кто куда когда топал.

– Значит, ничего особенного? – уточнила я.

Рома одернул пиджак.

– Ну... Алла Константиновна очень широкое платье надела, еле в дверь прошла, а Леонид Филиппович мрачный был, шел нетвердо, наверное, выпил. Но парень всегда молчалив, а хозяйка любит оригинальную одежду.

Из коридора вышел умытый и причесанный Владимир.

– Звонят от ворот, приехал некто Юрий Шумаков, спрашивает Тараканову.

– Пропустить, – распорядился хозяин, – привести его сюда. Виола, я понимаю ход ваших мыслей. Ирину убил кто-то из своих.

– Похоже на то, – осторожно сказала я. – Повторяю, в служебные помещения театра не входили посторонние, лишь актеры и служащие. Михаил Степанович и Фаина живут в вашем доме, они никуда не денутся, а вот артисты! Они могут уехать. И меня волнует девочка. Кто она? Как прошла незамеченной? Ребенок случайно заблудился или вас хотят напугать? В списке гостей есть люди с детьми?

– Нет, – мрачно сказал хозяин. – Вечер для взрослых. Тех, кто младше шестнадцати, мы не звали.

– Эй, Виола, поосторожнее, – запоздало возмутился начальник охраны, – мой отец тут ни при чем.

Я посмотрела на Верещагина.

– Под подозрение попадает каждый, кто находился за кулисами с момента окончания спектакля. Без исключения, неважно, чей он родственник. Вероятно, эксперт сможет сузить временные рамки, иногда удастся точно установить время смерти жертвы.

Но это редко, как правило, такая точность невозможна. Необходимо под благовидным предлогом задержать людей, не сообщая им о случившемся. Пусть убийца думает, что тело еще не нашли. У вас, наверное, стоят тут видеокамеры?

– Конечно, – медленно произнес Филипп. – Володя, добудь записи, все, в особенности из гримерок.

Меня охватило возмущение.

– Вы подсматриваете за артистами?

– Исключительно в целях безопасности, – влез в беседу дядя Миша.

Я сделала шаг к Верещагину.

– Я говорю не об этической стороне вопроса! Камера в уборной Риши запечатлела убийство!

– Нет, – промямлил Корсаков.

– То есть как «нет»? – процедил хозяин.

– «Алмаз» опять подвел, – почти шепотом сообщил Владимир.

Брови Филиппа поползли вверх.

– Босс, я же предупреждал, – зачастил Корсаков, – «Алмаз» ненадежная система.

Верещагин молчал, и оттого, что он не произносил ни слова, у меня по спине забегали мурашки. Владимир Михайлович тоже испугался и заговорил еще быстрее:

– Многие люди желают за ваш счет заработать. Вениамин Юркин, ну тот, что посоветовал установить новую систему наблюдения, впарил самый дорогостоящий вариант. Шеф, вам понравилось, что любая машина, минующая ворота, приводит в действие датчик, и охрана знает, когда какой автомобиль въехал или выехал со двора. Не спорю, прикольная штука. Но камеры дерьмовые, и установка лажовая. То у нас кухня вне зоны видимости, то гараж. Я же вам докладывал!

– Докладывал, – эхом повторил Филипп.

– Босс! – перепугался Корсаков. – Вспомните! Я сразу, как только увидел Юркина, предупредил: «Не нравится мне «Алмаз», не доведен до ума».

– Остановись, – приказал Верещагин. – Записей нет? Так? Камеры сегодня не работали?

– Да, – вынужден был признать главный охранник.

– И это делает Михаила Степановича одним из основных подозреваемых, – не утерпела я.

– Ты что себе позволяешь, писака хренова? – взвизгнул Владимир.

Увы, начальник охраны не мог похвастаться умением держать себя в руках. Очень он мне не нравился. Почему? Ну, во-первых, Корсаков уже один раз наорал на меня, во-вторых, просто он мне не симпатичен, поэтому я злорадно договорила:

– Интересное совпадение. Михаил Степанович находится за кулисами, камеры не работают, а его сын отлично осведомлен о сбое в системе наблюдения. Сомневаюсь, что младший

Корсаков носился по особняку с воплем: «Люди, у нас сегодня отсутствует контроль за служебными помещениями театра». А вот с папой он мог поделиться этой информацией.

Владимир издал короткий звук, похожий на хрюканье, и тут из коридора долетел ноющий писк, кто-то просил открыть дверь во внутреннее помещение театра. Роман ринулся на пост. Филипп Леонидович уставился на меня, я пожала плечами.

– Никого нельзя исключать.

– Здравствуйте, – сказал Юра, появляясь в зоне видимости, – со мной эксперт Виктор. Что случилось?

– Добрый день, – произнес спутник Шумакова.

– Добрее не бывает, – мрачно буркнул Владимир.

Верещагин сделал шаг вперед, распахнул дверь в большую комнату, где актеры устраивали читку пьесы, и сказал:

– Давайте сядем и попытаемся обсудить ситуацию.

Через полчаса усиленного мозгового штурма Владимир вручил мне бейджик оранжевого цвета, а Михаил Степанович сказал:

– Провожу тебя в общий зал.

Я попыталась отделаться от сопровождения.

– Спасибо, я отлично помню дорогу.

Но дядя Миша сделал вид, что не слышит. Мы вышли из комнаты и двинулись по коридору, заставленному вазонами с цветами.

– Ты действительно считаешь, что я убил Ирину? – безо всяких экивоков спросил Михаил Степанович.

– Нет, – спокойно ответила я, – вы не заходили в гримерку Риши до того момента, как там обнаружили тело.

– И как ты это поняла? – удивился спутник.

Я остановилась.

– Посмотрите на пол. Что вы видите?

– Паркет, – после короткой паузы сказал Михаил Степанович.

Мне пришлось присесть на корточки и указать пальцем на небольшой темно-синий кусочек, лежащий на лаковом полу чуть позади него.

– Что это, по-вашему?

Дядя Миша опустился рядом и потрогал пальцем находку.

– Вроде кожа. Или нет?

– Посмотрите на подошвы своих ботинок, – попросила я.

Рабочий встал и поднял ногу.

– Ежкин-матрешкин! У новых туфель подметка ни к черту. Вчера их купил в большом магазине, отдал хорошие деньги!

– С Юрой Шумаковым, тем самым, что только-только приехал, случилась похожая история, – успокоила я Михаила Степановича. – Ему тоже понравились ботинки фирмы «Мар Боркони»¹, выглядят очень солидно, цена вроде соответствует качеству. Шумаков приобрел штиблеты, а я потом прокляла итальянцев, которые прикрепили к ним темно-синюю подошву. Ее мелкие частички при ходьбе отлетают и насмерть «привариваются» к любому напольному покрытию. Мы с Шумаковым живем в квартире, где холл выложен светло-бежевой плиткой. Пришлось ползать от пятна к пятну и оттирать. Я пустила в ход щетку, нож, бритву, растворитель и с огромным трудом справилась.

В гримерке Риши настелен белый палас, на нем нет ни единого синего следа, значит, вы не входили в комнату.

---

¹ Название выдумано автором, любые совпадения случайны.

Дядя Миша взял меня под руку.

– Ну, я не из тех, кто считает блондинок дурами, а всех женщин вообще безмозглыми курицами. Ты правильно рассуждаешь. Подошвы отслаиваются. Но что, если я осведомлен об этом эффекте? Снял штиблеты, прошел в носках в примерку, а потом вновь влез в ботинки, а?

– Хорошая идея, – согласилась я, – но зачем вам о ней рассказывать? Как правило, убийца не хочет оказаться пойманным, он не сообщит о пробежке в носочках. Скажите, Филипп Леонидович всегда такой отстраненный и холодный? Он спокойно воспринял известие о смерти Риши. Убитый горем отец так себя не ведет!

Дядя Миша не замедлил с ответом:

– Филиппа жизнь приучила эмоции скрывать. Что у него сейчас на сердце творится, одному богу ведомо, но он лица не потеряет. Верещагин на людях камень. Ты помнишь, что делать надо?

– Пока не забыла, – в тон дяде Мише ответила я и вошла в зал, где веселились ничего не подозревающие о трагедии гости.

Глава 8

Первой мне на глаза попала Марфа с бокалом в руке.

– Тебе уже отдали гонорар? – свистящим шепотом поинтересовалась она. – Знаешь, нам пообещали премию! Верещагин душка! Обожаю его! Ну почему все приличные мужики женаты на мымрах? Из меня могла получиться отличная спутница жизни! Имею безукоризненный вкус, яркий талант, но люди, подобные Филиппу, предпочитают жить с кошелками! Его Аллочка ходила тут в жутком платье! Абажур моей бабушки! Волосы сама в пучок стянула! Косметику ей горничная по лицу размазала! Бред, бред, бред! Обладать горой денег и выглядеть Матреной!

– Алла мужу родила несколько детей, – сказала Катя, выныривая из толпы. – Лично я на такой подвиг не способна. Вилка, у тебя есть спиногрызы?

– Ни одного, – призналась я.

Франк быстро схватила с подноса проходившего мимо официанта тарталетку с паштетом, запихнула в рот и невнятно спросила:

– А у тебя, Марфа?

– Для актрисы беременность означает уход с подмостков, – отрезала Ермолова. – И нельзя сидеть на двух стульях: либо семья, либо карьера!

– Некоторым удается это совместить, – не согласилась Катя, успевшая проглотить паштет, – они нанимают нянек!

Марфа закатила глаза.

– Няньки стоят безумных, нереальных денег! Все мною заработанное на чужую бабу улетит! И я считаю, что ничьи посторонние ласки не заменят ребенку материнские. Крайне безответственно производить на свет малыша и сбрасывать его на чужие руки.

– Вот поэтому тебе остается впустую облизываться, глядя на олигархов, – заржал Лавров, материализуясь возле нас, – богатым мужикам нужны наследники, которым они передадут состояние. У тебя другая установка. Даже если ты отыщешь золотую гору, будешь сниматься в кино, а не встанешь на кухне у плиты. Не зря раньше актрис хоронили за оградой кладбища, они все больные, с изломанной психикой. Апчхи!

– Будь здоров! – машинально произнесла я.

Павел ничего не сказал, а Ермолова набросилась на меня с упреками:

– Ну ты молодец! Пашка нас обхамил, нечего ему здоровья желать! Гепатит тебе в печень, Лавров.

Франк захихикала, Павел почему-то молчал, а я улыбалась во весь рот.

– Девочки, щедрость Филиппа Леонидовича не знает границ, а мы ему понравились.

– В особенности я, – самодовольно заявила Ермолова, – выложились по полной. Настоящий профессионал не может халтурить, он горит на сцене, вполне не пляшет! Премию, обещанную Филиппом, все получают исключительно благодаря мне.

– Я рыдаю! – скривилась Катя. – Огромное спасибо, благотельница! Кланяемся в пояс.

– Не хами, детка, – процедила Марфа.

Лавров, к моему огромному удивлению, никак не комментировал заявление Ермоловой, лишь издал пару нечленораздельных звуков.

– Девочки, – зашебетала я, – не ссорьтесь. У меня есть замечательная новость. Мы сейчас пойдем в одну волшебную комнату и сможем взять там все, что захотим!

– Вау! – подскочила Франк. – Надеюсь, это не кухня! Кастрюли со сковородками мне на хрен не нужны.

– Обожаю картины! – алчно воскликнула Марфа. – Думаю, их тут немало, вроде Пикассо или Рембрандта.

– Нас хотят обеспечить одеждой, обувью, сумками, – уточнила я. – Роскошные бренды из разных стран мира.

– Шубка! – подпрыгнула Катя. – Из леопарда! Хочу! Куда бежать? Чур, я первая!

– Можешь не торопиться, – продолжила я. – У нас у всех разные размеры, никто твое манто не возьмет.

Но Франк резко подалась вправо, пошатнулась, ойкнула и чуть не упала. Один из проходивших гостей, лысый толстяк в шикарном костюме, успел подхватить ее под локоток.

– Осторожнее, – сказал он и масляным взглядом окинул стройную фигурку молодой актрисы, – торопыжка.

– Спасибо, – прошелестела Катюша и покрепче вцепилась спасителю в рукав пиджака стоимостью в несколько тысяч евро, – приятно встретить настоящего мужчину, который готов помочь даже незнакомой даме. Я подвернула ногу. Очень больно.

Толстячок приосанился, он явно собирался продолжать приятный разговор, но тут возле нашей славной компании возникла рослая блондинка в облегающем платье-бюстье, схватила лысика за другой рукав, резко дернула, прижала добычу лицом к своему пупку и воскликнула:

– Папочка! Вот ты где? Пошли к Емелькиным, Сергей рассказывает о поездке в Аргентину. Так интересно! Может, и нам туда слетать?

– Конечно, зюзечка, – залез безил толстячок, – как пожелаешь.

Блондинка метнула во Франк убийственный взгляд. Странно, что Катя не превратилась в горстку пепла, даже мне стало не по себе от взора «зюзечки».

– Так мы идем или нет? – высокомерно поинтересовалась Марфа. – Не подумайте, что я падка на подарки, просто любопытно чисто по-человечески.

Катя сделала пару шагов и опять ойкнула.

– Больно? – спросила я, глядя на ее страдальческую гримасу, – дать баралгин?

– Не откажусь, – сказала Катерина, – эй, официант, дайте воды без газа.

– А мне с пузырями, – немедленно потребовала Марфа, – я еще не помешалась на почве здорового образа жизни.

– Лекарство нельзя запивать газировкой, – менторски заявила Катя, – так Елена Малышева по телику говорила.

– Ты веришь программам про здоровье? – развеселилась Марфа.

– Она врач, – вступилась за любимую ведущую Франк, – настоящий!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.